

РАБОТНИЦА

ЯНВАРЬ

1964

1

Кусты в пушистом
инее,
В сугробах
даль полей,
И нет земли
красивее
И нет ее родней.

Михаил Дудин

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»

Январь • 1964 год

1

Новый год за работой

Великий труженик, 1964-й, пришел к нам под перезвон кремлевских курантов и, не теряя ни минуты, взялся за дело, как все его славные предшественники. Новый год явился к нам, озаренный светом замечательного события в жизни Советской страны. За несколько недель до его рождения состоялся Пленум ЦК КПСС, решения которого на многие годы вперед определили нашу жизнь. На передний край строительства коммунизма партия выдвинула химию. Развивая ленинские идеи, Никита Сергеевич Хрущев сказал, что коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства.

Химия даст нам ключ к решению важнейшей задачи — создания в стране полного достатка продовольствия. Мы знаем, сколько усилий наша партия, весь советский народ приложили для подъема сельского хозяйства. Подняты десятки миллионов гектаров целины, колхозы и совхозы получили новую технику. Но, чтобы добиться устойчивых высоких урожаев, надо дать полям достаточно удобрений. Их и производит химия, но пока еще мало. В ближайшие семь лет выпуск удобрений возрастет в четыре раза.

Химия дает не только пищу для полей, но и оружие для борьбы с вредителями и сорняками: гербициды и различные ядохимикаты. Их тоже теперь будут производить все больше. А такие «произведения» химии, как кормовые дрожжи, антибиотики, витамины, синтетические аминокислоты и другие, помогут поднять продуктивность животноводства.

Химия — волшебница! Она создает материалы, которые не только не уступают, а чаще всего превосходят по качеству сталь и бетон, натуральный каучук и стекло. Внедрение полимеров, прежде всего пластических масс и синтетических смол, значительно удешевляет продукцию машиностроения, металлургии и других отраслей тяжелой индустрии. А новые строительные материалы, создаваемые химией, позволят быстро и дешево строить заводы, электростанции, жилые дома.

Наконец, химия открывает перед нашей промышленностью безграничные возможности увеличения выпуска товаров народного потребления. Ткани с искусственными волокнами уже завоевали славу самых красивых и добротных. В прошлом году две трети произведенной у нас обуви изготовлены с применением

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев выступает на декабрьском Пленуме ЦК КПСС.

Фото А. ЛЯПИНА.

искусственных материалов. Разнообразные пленки, из которых делают множество удобных, дешевых и практичных вещей, красивая мебель, посуда, галантерея из пластика, различные моющие и чистящие вещества — все это дает нам химия. А будет давать значительно больше. За семь лет, с 1964 по 1970 год, производство одних только химических волокон увеличится больше чем в четыре раза.

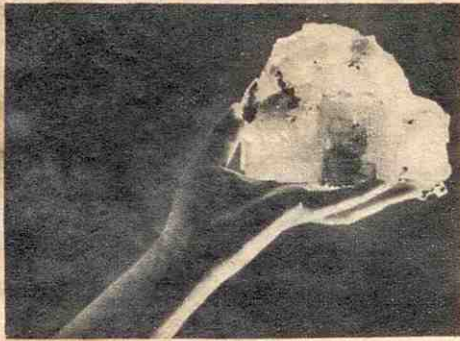
Для того, чтобы химизация народного хозяйства была проведена успешно, намечено построить сотни заводов и комбинатов — гигантов большой химии, вчетверо увеличить производство химического оборудования.

Состоявшаяся вслед за декабрьским Пленумом ЦК КПСС сессия Верховного Совета СССР утвердила народнохозяйственный план двух завершающих лет семилетки. За 1964—1965 годы еще более возрастет выпуск продукции всех отраслей

промышленности и сельского хозяйства. Теперь уже ясно, что задание семилетки будет выполнено досрочно и с превышением.

В бюджете страны на нынешний год предусмотрено сокращение военных расходов на 600 миллионов рублей. Коммунистическая партия и Советское правительство, настойчиво отстаивая дело мира, последовательно и успешно добиваются международной разрядки. Сокращение военных расходов — новое свидетельство миролюбивой внешней политики Советского государства.

Советские люди встретили Новый год окрыленными; они переживают большой подъем душевных сил. Эти чувства находят свое выражение в первых трудовых успехах нового года. Пусть же каждый новый день приближает нас к осуществлению великих замыслов. Чтобы лучше жилось всем нам, чтобы богатели Родина и крепло дело мира!

Вот она, соль земли,— хлористый калий!

Главный геолог Солигорского калийного комбината Вера Фомина.

зрачного минерала. Он теплого темно-розового цвета и напоминает сердолик.

— Нет, конечно, хлористый калий для ювелира не находка, не ценность, каким бы он красивым ни был: опустить в воду — и нет его, растворился. Но для земли, для урожая...

— Соль земли,— говорю я.

— В известном смысле да, соль. Растению так же трудно без калийной соли, как нам без поваренной. Странная судьба у этих двух минералов: как будто близкие родственники, к тому же неразлучные, залегают почти всегда вместе, а взаимно исключают друг друга. Ведь если калий хлор — друг растений, то натрий хлор, поваренная соль, — их злейший враг. Эти образцы, что вы перед собой видите, розовый хлористый калий и белые, как снег, кристаллы поваренной соли, — редкость, самородки. Руда же, которую мы добываем — и которая называется сильвинит, — это смесь двух солей, кроме того, в ней еще много других примесей.

Сейчас нам, горнякам, во что бы то ни стало нужно постараться еще под землей различить калийную соль с поваренной. Это можно сделать. Нужен только специальный комбайн.

Подземная кладовая

Клеть плавно скользит вниз: 100, 200, 300, 400, 600 метров. Уши закладывает, как в самолете.

Мы спускаемся в шахту.

Прохладно, сухо, светло, просторно. С левой стороны через весь штрек тянется транспортер, на нем поблескивают куски руды.

Свет, который льется сверху, освещает стены штрека, и теперь я своими глазами вижу: двухметровые пласты калийной соли резко выделяются красной полосой на светлом фоне поваренной соли.

И хотя главный геолог назвал их маломощными, мне, до сих пор не видевшей ничего подобного, зрелище подземной кладовой кажется грандиозным...

Пройдя с километр, мы остановились перед входом в круглый сферический тоннель — след, оставленный комбайном. Войдя в пласт, комбайн просверливает его, как червяк яблоко. Руда, кото-

рую он добывает, попадает на транспортер и тут же выносится за пределы забоя.

Двигаясь по следу комбайна, мы тоже оказались в центре пласта. Куда ни глянь — всюду руда. Стены кажутся облицованными красным гранитом, блещут кристаллы каменной соли — красиво и очень напоминает стены станции метро.

А по транспортеру все движется и движется руда. Она должна еще пройти большой и сложный путь, прежде чем превратится в высококачественное калийное удобрение — концентрат.

Где все начиналось

Обогащение... Когда речь идет о калийной соли, надо отказаться от привычного смысла, который мы вкладываем в это слово: обогатить — в данном случае значит не добавить, прибавить, увеличить, а, наоборот, отнять. Отнять все ненужные примеси в сырой руде и оставить только чистый хлористый калий.

При флотации (обогащении) в сырую измельченную руду добавляется насыщенный раствор калийной и поваренной солей, потом опускают реагенты — химические вещества, под воздействием которых хлористый натрий оседает на дно, а хлористый калий в виде розовой пенки всплывает на поверхность. Специальные лопатки осторожно снимают его и отправляют в сгуститель; там из него удаляется лишняя влага; и вот уже готов концентрат, свободный от примесей.

Приблизительно так объяснила мне процесс флотации директор опытной обогатительной фабрики Галина Владимировна Жевжик.

— На словах,— сказала она в заключение,— все просто, а на самом деле за

Автобус идет от Минска строго на юг. За окнами мелькают хвойные леса. Вдоль обочины по серому подзолу сползают черные ручьи сосновых корневищ.

Кончается лес, начинается торфяник. Легкий первый снежок еще резче оттеняет черный бархатистый торф. И опять за торфяным полем лес, и опять за лесом поле. Такая уж здесь земля: леса и болота.

Темнеет. Лес стоит за окнами плотной темной массой. И вдруг за поворотом открывается панорама мерцающих огней. Ближе, у самой дороги, виднеются в темноте силуэты копров, увешанные красными сигнальными лампочками. Они выглядят новгородными елками. Откуда-то сверху, с крыши недостроенного здания, срываются вниз бенгальские огни электросварки.

Это и есть Солигорск, новый центр калийной промышленности страны.

И вот я в кабинете главного геолога комбината Веры Дмитриевны Фоминой.

— Белоруссию издавна считали страной, очень бедной полезными ископаемыми. О том, что здесь под землей скрыты такие богатства, никто не подозревал,— говорит Вера Дмитриевна.— Перед самой войной геофизики начали здесь разведку нефти. И первая глубокая скважина, пробуренная в 1941 году, накануне войны, вскрыла соли. После войны разведка продолжалась. В 1949 году было обнаружено Старобинское месторождение калийных солей. Наш комбинат тоже расположен на территории Старобинского месторождения.

По подсчетам геологов, месторождение имеет запасы около 6 миллиардов тонн и занимает второе место в Союзе, уступая лишь Верхнекамскому.

— Вот это и есть хлористый калий.— Фомина показывает мне кусок полупро-

Кира ТКАЧЕНКО

Фото Н. МАТОРИНА.

ПИЩА ПОЛЕЙ

всем этим огромная работа. Прodelаны были тысячи анализов, взяты тысячи проб, испробованы десятки реагентов, прежде чем была разработана технологическая схема, по которой мы могли получать из бедной руды богатый концентрат. Мы были как бы разведчиками. Опытная фабрика строилась для того, чтобы можно было прямо на оборудовании обрабатывать все технологические процессы. У нас стоят такие же флотационные машины, что и на большой фабрике, только все это в миниатюре.

Фабрика-сердце

Обогатительная фабрика — это сердце комбината со своеобразной «системой кровообращения». Представьте себе, что ленты транспортера — это вены. По ним отягощенная вредными примесями руда попадает в соответствующие отделы фабрики-сердца, где она освобождается от примесей. Алый поток чистого концентрата по трубам-артериям выносятся за пределы фабрики.

По обогатительной фабрике я иду с двумя женщинами — старшим инженером-технологом Металлиной Николаевной Горбачевой и Марией Леонидовной Изановой, главным механиком отдела комплексного проектирования. Они прекрасно знают анатомию фабрики-сердца. Еще бы! Они создавали ее сначала на ватмане, потом на макете.

Вот они, кровеносные сосуды фабрики, — желтые, серые, зеленые, оранжевые трубы. Вот они, отделы фабрики-сердца, — флотационные машины, мельницы, сита...

— А посмотрите, какие у нас склады, — говорят мне проектировщики. — Они у нас деревянные, чтобы не разрушалась соль. Знаете, ведь соль лучше всего

хранится в деревянной солонке, дерево поглощает лишнюю влагу. Соль в такой посуде никогда не затвердеет.

Я вошла в гигантский склад-«солонку» и остолбенела: деревянные арки уходили ввысь, их очертания терялись на семизатяжной высоте...

Строители

При входе на территорию комбината висит огромный плакат: «Комсомольская стройка». Впрочем, это и так ясно. Выйдите утром перед началом работы на автобусную остановку. В рабочих куртках, в сапогах толпятся строители — одна молодежь. Пять лет назад тысячи парней и девчат приехали сюда по комсомольским путевкам из областей и районов республики, чтобы участвовать в строительстве нового крупнейшего промышленного центра, в строительстве будущего. Они работали и росли вместе с этой стройкой.

В строительном тресте № 3 партийное собрание. Идет прием в кандидаты и члены партии.

...Карслиева Людмила Петровна, электросварщица. Рекомендует комсомольский коллектив цеха. Отличница производства. «Год рождения 40-й, — сообщает о себе Люда. — Окончила десять классов в 1958 году. С 1958 года работаю на стройке. Сначала бетонщицей, а теперь электросварщицей. Хочу активно строить коммунизм».

...Жанна Прихожая, крановщица. Год рождения 1940-й. Окончила школу в 1958 году. После окончания десятилетки руководила танцевальным кружком в Доме культуры. Приехала в Солигорск по путевке комсомола. Работала маляром, окончила курсы крановщиц.

...Крамцова Ольга Николаевна. В 1958 году окончила 10 классов, пошла на стройку, поступила на курсы мотористов. Комсорг растворного узла. Учится заочно в химическом техникуме.

Вот они, молодые строители Солигорска!

...10 августа 1958 года в ясный, солнечный день на ровном поле у деревни Чижевичи был заложен первый камень будущего города. С тех пор, не затихая ни на день, пять лет продолжается напряженный труд. И вырос прекрасный город с крупноблочными домами, с кинотеатром, клубом, больницей, техникумом.

Растет комбинат. Тринадцатого декабря — в день завершения работы Пленума — комбинат дал первые тонны калийных удобрений.

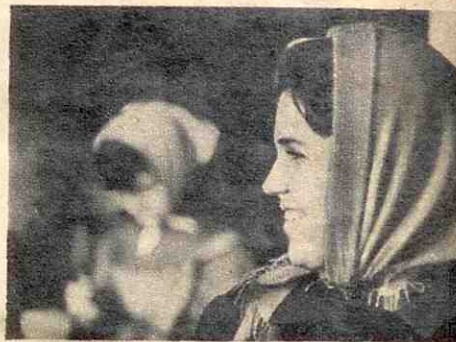
Я уезжаю из Солигорска. На автобусной станции в круглых плетеных корзинах продают желтую ароматную антоновку. «Так ведь это знаменитый на всю Белоруссию яблочный край, — вдруг вспоминаю я. — Ну да, тот самый Слуцк, который от Солигорска в тридцати — сорока километрах...»

...Комфортабельный автобус «Икар», плавно покачиваясь, несет меня теперь уже строго на север.

Я по-иному смотрю на пролетающие мимо леса и торфяники. Я думаю, что скоро яблочный край превратится и в богатый хлебный край, в край изобилия, ибо возвращенная к жизни соль земли, совершив круговорот, вновь вернется в землю, чтобы сделать ее богатой и плодородной.

Крановщица Жанна Прихожая.

Директор опытной обогатительной фабрики Галина Жевжик.

Электросварщица Людмила Карслиева.

Инженер-технолог Металлина Горбачева (слева) и главный механик Мария Иванова.

У КАРТЫ РОДНОЙ СТРАНЫ

ЗА КАЖДОГО ВО

Л. БУРМИСТРОВА,
З. ТИМОФЕЕВА

КАК ПОТЕРЯЛИ ГЕНКУ

Генка попался с поличным, когда пытался стащить конфеты в буфете кинотеатра. Первое знакомство в детской комнате милиции...

Гене Бондаренко 12 лет. Отец мальчика, Александр Минеев, работает на мясокомбинате слесарем. Дома постоянные попойки, скандалы, драки. Пьет отец, не отстает от него мать. Потом мать, бросив двоих детей, вовсе исчезла из родного дома. А дети — старшая, Лариса, и младший, Гена, — вынуждены были заботиться о себе сами. Вскоре Ларису взяла к себе бабушка, а Генке пришлось вести «самостоятельную жизнь». Он слонялся без дела по городу, пропускал занятия в школе, а когда и появлялся на уроках, озорничал. За ним прочно закрепилось слово «трудный». Геннадия переводят из одной школы в другую, из 4-го класса в 3-й. Отцу не до сына, накормить мальчика некому, он часто недоедает. Голод и толкнул его на кражу.

Вот с таким Генкой, непутевым, озорным, отбившимся от рук, и познакомились старший инспектор детской комнаты милиции Валентина Дмитриевна Филасова и ее добровольные помощники — члены общественного совета. Надо было принимать срочные меры. Попытались взывать к совести отца — безуспешно. И тогда в народный суд пришло дело о лишении Александра Минеева родительских прав. Суд состоялся в конце сентября: у Александра Минеева не стало сына.

Как принял это тяжелое наказание Минеев? Мучился? Переживал? Просил оставить ему сына? Нет, не заговорило в нем отцовское чувство, не пробудилась человеческая совесть! К приговору суда он отнесся с полным безразличием: отбираете сына, ну и ладно, забот меньше...

Теперь надо было определить дальнейшую судьбу мальчишки: поместить его в детский дом или устроить в школу-интернат. И вот тут-то его потеряли... Хотя Гена никуда не уехал, не поменял

адреса, продолжал жить в доме отца. Просто учителя школы № 2 перестали считать Геннадия Бондаренко своим учеником, а в городском отделе народного образования про него забыли.

И опять вмешались общественники. Они напомнили гороно о парнишке. Но история с Генкой на этом, к сожалению, не кончилась.

...Мы встретились с ним в конце ноября в детской комнате милиции. На диване, в уголке, скромненько сидел мальчишка и, не переставая, мял в руках видавшую виды шапку. Он охотно отвечал на наши вопросы, рассказывал сам: «Не учусь давно, в сентябре походил несколько дней и перестал. А вчера ездил в школу-интернат, гороно дало направление, но меня там не приняли. Учиться? Учиться буду. Только пусть примут».

Так почему же Гена Бондаренко опять оказался вне школы? Ответ один: виноват формализм работников народного образования, формализм, который недопустим в любом деле и тем более нетерпим в воспитании детей.

...Директор школы № 2 Татьяна Петровна Спрыжнова вздохнула с облегчением, когда суд вынес решение определить Гену Бондаренко в школу-интернат. Поспешила вычеркнуть эту фамилию из списков своих учеников. Но не сняла телефонную трубку, не спросила у директора интерната: «Как у вас Гена?» А, позвонив, в ответ услышала бы удивленный голос: «Бондаренко? У нас нет такого воспитанника».

Для нее было неожиданностью, что бывший ее ученик по-прежнему живет с человеком, которого лишили отцовства, и что он нигде не учится. А не грех было бы самой Татьяне Петровне сразу после суда, взяв мальчика за руку: «Пойдем, Гена, я отведу тебя в школу-интернат, там тебе будет хорошо, спокойнее. Глядишь, и оттаяло бы сердце мальчишки, не избалованного вниманием и заботой взрослых».

Прощаясь с нами, Татьяна Петровна вроде бы в шутку сказала: «Будете писать, не очень на меня нападайте...» Но мы не склонны придавать нашему разговору шуточный тон. И хотим повторить то, что сказали ей при встрече: не любят некоторые директора, в том числе и Татьяна Петровна, «трудных» учеников. С ними хлопотно, к тому же они

снижают процент успеваемости. Именно поэтому она категорически отказалась принять в школу Славу Алашеева.

— Только через мой труп! — заявила Татьяна Петровна.

— Но почему?

— Он разболтан, груб, не слушает учителей, родителей. И вообще...

И если бы не строгий разговор в городском комитете партии, может быть, и по сей день отец Славы ходил бы с направлением гороно по школам: из 28-й в 7-ю, оттуда в 6-ю, затем в 4-ю и 2-ю.

— У нас нет отсева из школ, — уверяла нас Любовь Ивановна Назарова, заведующая Сызранским гороно. И тут же добавила: — Ну, вот если только Бондаренко считать...

А мы уже знали, что оставили школу Коля Балдин, Гена Архипов, Володя Мясляров, Надя Мурлаева, не учатся Саша Куприянов, Сережа Соколов... А должны учиться!

Невольно возникает вопрос: в самом деле не знают работники гороно о положении дел? Или закрывают глаза на то, что часть так называемых «трудных» детей оказалась вне школы?

Можно услышать сетования учителей на тяжелую обстановку в семьях некоторых учеников. Да, встречаются еще родители, которые пытаются свои обязанности по воспитанию детей переложить на школу, а результаты своей безответственности — на общество. Эти горе-родители ведут себя столь возмутительно, что вынуждают государство при всей его гуманности лишать их родительских прав. Так поступили в Сызрани не только с А. Минеевым, но и с отцом Володи Шарабура, работником пожарной охраны, пьяницей и хулиганом.

Такие люди — явление редкое, но настолько отвратительное, что мимо него пройти нельзя. Здесь недостаточно морального осуждения! Думаем, что некоторые положения нашего законодательства о семье и браке неоправданно мягки. И мы полностью разделяем мнение сызранских общественников о том, что такие отцы и матери должны получать строгое наказание и во всех случаях оплачивать содержание их детей в детском доме или школе-интернате. И пусть до конца поймут они, что нет более тяжкого преступления перед детьми, перед

Есть о чем рассказать Александре Ивановне Новиковой. Старая большевичка, подпольщица, одна из тех, кто устанавливал Советскую власть в Сызрани.

Анна Андреевна Галкина и ее дочери Люба и Надя оформляют очередной номер стенной газеты детской площадки.

ТВЕТЕ

обществом, перед собственной совестью, чем забвение своего родительского долга.

...Есть в Сызрани «трудные» дети. Их мало, но они есть. И многие коллективы школ поступают правильно, когда среди сотен своих учеников выделяют именно тех из них, кто требует к себе особого, пристального внимания. Конечно, воспитание таких, как Гена Бондаренко или Толя Костин, — дело сложное, но зато одержанная победа радостна вдвойне. Борьба же за каждого мальчишку, за каждую девчонку педагогам всегда помогут добровольные бескорыстные помощники — общественники.

БЕСПОКОЙНЫЕ

Мы встретили в Сызрани немало людей, для которых доброе беспокойство о детях, и прежде всего о тех, кто остутился или отбился от рук, стало главной заботой. Эти люди настойчиво ищут и почти всегда находят пути к ребячьим сердцам. У них нет специального педагогического образования. Но какое это имеет значение, если есть горячее желание вырастить детей трудолюбивыми, честными, сильными!

Сергей Васильевич Скорлыгин прожил трудную жизнь: воевал в Чапаевской дивизии, потом работал на транспорте, в числе 10 тысяч коммунистов партия послала его в деревню. Затем снова работал в городе. И вот, казалось бы, пришло время заслуженного отдыха. Но не такой человек Сергей Васильевич, чтобы жить только для себя. К нему позвонил рано утром, жена отвечает: «Его уже нет». А поздно вечером: «Еще не пришел». Никогда не сердится Анна Николаевна на мужа за то, что он редко бывает дома. Только в обед или за ужином участливо спросит: «Ну, что там еще натворили твои подшефные?»

А подшефные доставляют Сергею Васильевичу немало хлопот. Одного надо вернуть в школу, другого устроить на работу. И никогда не отступится Сергей Васильевич, пока не добьется своего.

Так было в профессионально-техническом училище.

— Не уйду, пока не примете Славу Краснова и Володю Фетхулина, — сказал Сергей Васильевич директору училища.

— Неужели не понимаете, что набор учащихся уже закончен! — горячился директор.

Все понимал Сергей Васильевич, только не мог он уйти, не устроив Славу и Володю. Бросили ребята учиться, школа от них отступилась (им исполнилось по шестнадцати — всеобучу не подлежат); а если не дать им дела в руки, — пропадут. Уже были замешаны в уличной драке.

И ведь тогда, в училище, он «высидел» свое: зачислили ребят, и тот и другой учатся на формовщиков.

Приставлен к делу и Толя Дудин. На обувной фабрике им довольны. А когда устраивал, многие говорили: «Напрасно стараешься. Тольке одна дорога — в ко-

Первая получка. Какой подарок сделать маме? И здесь Толе Дудину помог советом Сергей Васильевич Скорлыгин.

лонию». Теперь по вечерам Голя ходит в клуб, помогает киномеханику. И так увлекся, что ждет не дожидается, когда ему исполнится 18 лет и он получит право работать в киновудке самостоятельно.

Про Толю Сергей Васильевич нам рассказывал: «Я знал его деда, добрыми соседями жили с ним не один десяток лет. И мать Толина выросла на моих глазах. Выходит, что Толя вроде бы внук мне. А они: «В колонию»...»

Такие «внуки» и у Анны Андреевны Галкиной. Кто эта женщина? Сейчас домашняя хозяйка, мать шестерых уже взрослых детей, она постоянно озабочена большими и маленькими горестями чужих ребят.

Шесть лет бессменно руководит Анна Андреевна детской площадкой, созданной уличным комитетом. Теперь у нее уже есть помощники. Ее дочка Люба соберет вокруг себя ватагу ребят и айдя с ними на Волгу купаться. А то готовит концерт самодеятельности или какие-нибудь состязания придумает. Ребята там хорошо с Любой, и родителям спокойно: не озоруют их дети.

...У сызранских ребят друзей не перечесть: Ян Викторович Ляуданский, инженер-строитель, председатель домового совета; Иван Павлович Рожнов, бывший директор школы-интерната; офицер в отставке Василий Иванович Добряков; Екатерина Евгеньевна Беседнова, в прошлом судья; Александра Ивановна Новикова, старая коммунистка, ее портрет висит на почетном месте в городском музее. Скажем только: у 68 подростков есть персональные шефы, старшие друзья, мудрые и сердечные. И есть еще около 3 тысяч членов общественных советов, созданных в районах и при домах, для которых беспокойство о детях, подростках, помощь школе и

родителям в их воспитании стали главными жизненными обязанностями.

В СЕМЬЕ РОДНОЙ И СТРОГОЙ

На мебельный комбинат Женя Елистратов пришел подростком. А уж если говорить все как было, то его направил туда прокурор города, сказав при этом директору Ирине Борисовне Никольской: «В общем-то парнишка ничего, хотя и не раз спотыкался. Ну да вы и не таких видали...»

Первый разговор у Жени с директором был примерно такой:

— Ну как, Женя, решил у нас работать?

«Черта с два решил, — подумал Женя. — Неужели не знаешь, что меня трудоустраивают?» А вслух сказал:

— Да, решил.

— А ты знаешь, что все подростки на нашем комбинате учатся? Придется и тебе поступить в вечернюю школу.

«Ну, это мы еще посмотрим!» А сказал опять не то, что думал:

— Знаю, буду и я учиться.

— Ну вот и хорошо! Иди оформляйся. Да, минуточку. Когда придешь в отдел кадров, к Галине Ивановне, шапку сними и руки из карманов вынь.

Теперь Ирина Борисовна и бригадир сборщиков комбината Евгений Елистратов с улыбкой вспоминают этот разговор.

— Признайся, Женя, ведь так все было?

— Примерно...

— Не примерно, а точно. Ведь тогда ты стоял передо мной, как стеклышко, прозрачный, и я тебя всего насквозь видела.

...Женю зачислили учеником столяра. Поначалу все было хорошо. Бывало, зайдет Ирина Борисовна в цех и обя-

Директор мебельного комбината Ирина Борисовна Никольская среди работниц. Фото А. ШАПИРО.

зательно постоит возле него — ловко и даже красиво работает парнишка. Уходя, скажет мастеру: «Хватка-то у него настоящая, рабочая!» Скупой на похвалы мастер только хмыкнет в ответ. Он-то сразу приметил ученика — упрямый, чертенок, халтуры не терпит, семь потов прольет, а работу все же сдаст по всем правилам.

И вдруг тревожная весть разнеслась по цеху:

— Слышали, Женьку Елистратова арестовали!

Откуда было знать Евгению, находящемуся под стражей, какие жаркие споры шли в дирекции, в парткоме и завкоме, в комитете комсомола?

— Взять его под защиту?

— Но ведь он виноват!

— Ну, а если на поруки?

— А где уверенность, что он не подведет?

И в конце концов решили: неужто коллектив слабее тех подонков, которые за воротами проходной прибирают к рукам подростков? Женька безусловно заслуживает наказания, но отказаться от него — значит признать слабость коллектива.

На суде по поручению общественности комбината выступала Ирина Борисовна. Внешне строгая, спокойная, и только чуточку дрожала рука, когда она брала стакан с водой.

Евгений ждал, что вот сейчас она скажет о том, что подсудимый Елистратов (так теперь все его называли) стал на скользкий путь, что он ищет легкой жизни. Наверное, она сравнит его с нарывом на здоровом теле или что-нибудь в этом роде... Но ничего подобного он не услышал. И все же каждое слово, сказанное ею, вызывало щемящую боль в сердце, приводило в отчаяние от неоправданности свершенного им поступка. «Если бы можно было начать жить сначала, по-иному...» И, словно прочитав его мысли, Ирина Борисовна сказала:

— Мы верим, Женя, что эта ошибка — урок на всю жизнь...

Тот день, когда Евгений после суда снова пришел в цех, он и считает началом своей рабочей биографии.

Подведем черту под историей с Елистратовым. Скажем только, что он теперь уважаемый человек на комбина-

те, женат. Валя — его жена — тоже работает на мебельном. Когда была их свадьба, на самом почетном месте сидели друзья из цеха и, конечно, Ирина Борисовна. Недавно у молодых родилась дочка, ее назвали Ириной. Мы обратили внимание, что на мебельном комбинате многие молодые родители выбирают именно это имя для своих дочерей.

— Так это же все внучки нашей матери, — рассмеялась Людмила Федоровна Епишева, председатель женского совета.

Уже не раз слышали мы, что в разговоре между собой называют рабочие Ирину Борисовну матерью.

Добавим к этому, что она мать большой и дружной семьи. Семьи, в которой старшее поколение строго, но с искренней заинтересованностью следит за каждым учеником, молодым рабочим, учит его мыслить, действовать, старается быть рядом, когда ему тяжело. А ведь среди тех шестнадцатилетних, которые к ним приходят, встречаются трудные, ершистые, настоящие. Вот Саша Кувшинов. Его появление на комбинате хорошо помнит инспектор по кадрам Галина Ивановна Орлова. Это было в январе прошлого года. Стояли морозы, а мальчишка пришел в ветхой одежке, продрогший. Сердцем почувствовала: парень в беде. И не ошиблась.

За плечами мальчишки детский дом, потом работа на одном предприятии, на втором, на третьем. Где сам уходил, а где увольняли. Ездил по городам, все искал, а чего — и сам не знал. Нет у него ни родных, ни знакомых, если не считать инспекторов милиции по делам несовершеннолетних.

— Ну ты погрейся, я сейчас...

А сама к инженеру по труду, к директору: «Примите мальчишку на работу».

И, словно на беду, только что совнархоз «проработал» дирекцию за нарушения в штатном расписании.

— Да что в совнархозе, не люди, что ль? — горячилась Галина Ивановна.

— А жить где будет? — спросила Ирина Борисовна.

— Квартуру найдем, — сказала повеселевшая сразу Галина Ивановна.

В конце рабочего дня из ворот про-

ходной выехала машина, груженная древесными отходами. В кабине рядом с шофером сидел Саша Кувшинов. Он ехал в комнату, которую для него сняла Галина Ивановна. И дрова с собой вез.

— Заработаешь, тогда и расплатишься, — сказала она ему.

Здесь, на комбинате, нашел Саша то, что так долго искал: дом, семью, друзей.

Мастер первого цеха Владимир Николаевич Озерных уверяет, что скоро Саша будет отличным мастером. А он строгий учитель и уж если похвалит, значит, заслужил.

Как-то вечером, когда мы засиделись в партийном комитете, к нам на огонек зашел Владимир Николаевич. И прямо с ходу:

— Ученик-то наш, Коля! Сегодня за смену навесил дверки на трех шкафах! Вы понимаете, это же норма квалифицированного рабочего! Вот вам и Коля! — сияя от радости, говорил он.

И все, кто сидел в этот момент в парткоме, вместе с ним радовались успехам Коли Александрова.

Но бывает и по-другому. Однажды группа подростков решила «обмыть» свою первую зарплату. Это «ЧП» взволновало всех. На следующий же день женский совет провел в цехе собрание женщин.

— Почему взяли за рюмки ребята? — горячо говорили выступавшие. — Да потому, что многие взрослые привыкли каждую получку отмечать выпивкой.

Шел разговор и о том, что ребята порой перенимают грубость у взрослых. Стало быть, воспитывая подростков, надо постоянно следить за своим поведением. Вот тогда женщины и договорились начать беспощадную борьбу с пьянством и сквернословием. Стали чаще бывать в семьях рабочих; особенно зорко следят они за теми, кто слаб по части выпивки. Уж в дни зарплаты обязательно к таким наведываются. Выпускают «молнии», стыдят тех, кого застали в нетрезвом виде. Это помогает.

Многие из тех, кого обучали мастера и рабочие своему делу, сейчас учатся в лесотехническом институте, в техникуме: Валя Мещерякова, Неля Брагина, Вадим Баженов, Ваня Правдин, Галя Чванова... Да разве всех перечислишь! Всем им комбинат стипендию платит. И когда во время каникул они приезжают на комбинат, в коллективе праздник.

Вот так и живет эта большая семья, чередуя огорчения с радостями. Одни уже возмужали, крепко стали на ноги. А другие — Витя Игнашкин, Юра Фомин, Володя Бирюков, их больше ста, мальчишек и девчонок, — еще спотыкаются порой. Но их поддерживают и направляют надежные руки. Сильные. Рабочие.

г. Сызрань,
Куйбышевской области.

Последний больной вышел из кабинета. Людмила посмотрела ему вслед, медленно натянула легкий, шелковый пыльник, машинально провела по губам палочкой помады, поправила волосы. Делала все это вяло, без того внутреннего оживления, которое обычно аносят женщины в маленькие заботы о себе.

Заперев кабинет, она прошла коридором, уже пустым: прием в поликлинике закончился. Из стеклянного окошечка регистратуры ее окликнули. Она остановилась и о совершеннейших пустяках проговорила полчаса с регистраторшей Любой.

Сухопарая, увядающая Люба поглядывала на нее с кроткой завистью доброй старой девы и, не выдержав, сказала:

— Счастливая вы, Людмила Николаевна! И красота у вас и молодость... Придете сейчас домой, а там любовь... Муж такой чудный...

Людмила ничего не ответила. Горько усмехнулась и, кивнув удивленной регистраторше, вышла.

— Здравствуйте, доктор, — хриловатым басом поздоровался стоящий на крыльце высокий, сутулый старик. — За лекарство благодарим покорно. В груди ровно бы совсем отмякло. Свет увидел.

Старик подробно начал объяснять ей, где у него мозжило, где ломило, но вдруг забеспокоился, насторожился. Маленькие, запавшие глазки его все чаще и чаще поглядывали на небо.

— Буря идет, — прервав себя, угрюмо сообщил он и с грубоватой лаской добавил: — Бегите-ка, доктор, до дому.

Людмила огляделась. Небо над сопками с непостижимой быстротой заволакивалось клубящимися тучами. Необычный желтоватый и тусклый блеск дрожал в воздухе. Но было тепло и тихо. Даже слыхом тихо. Все словно замерло, притаилось.

— Буря идет, — убежденно повторил старик.

Когда Людмила шла по поселку, действительно поднялся ветер. Он налетел шквалом, пыль серыми струями бешено закружилась по мостовой, вершины осокорей в парке закачались, зашумели порывисто и жалобно.

Дома никого не было. Людмила заглянула к соседке. Дочь соседки семиклассница Римма готовилась к экзамену и, зажав уши ладонями, читала.

— Сережа не приходил? — спросила Людмила.

Девочка глянула на нее круглыми, непонимающими глазами, потом догадалась, отняла ладони от ушей и торопливо рассказала, что Сережа с Генкой увязались за девятиклассниками, а те ушли в тайгу.

— Во-он на те сопки!

Она подскочила к окну, показала, на какие именно сопки пошли девятиклассники, и снова уткнулась в книгу.

Через час небо совсем затянуло низкими, грозно синеватыми тучами. Ветер гнал по улице столбы пыли, летело сорванное с веревок белье, громохоча, неслись по дороге пустые консервные банки.

Резко похолодало. Пошел мокрый снег, засвистела, завывала северная пурга. Снег хлопьями падал на деревья и тут же скатывался с них тяжелыми, крупными каплями.

Когда ветер стих, с сопки и с болотистой низины на поселок потянуло туманом. Он полз неотвратимо, очертания горных хребтов, теряя свою определенность, растворялись в ватной, белесой мгле.

Не зажигая света, Людмила бесцельно бродила по комнате.

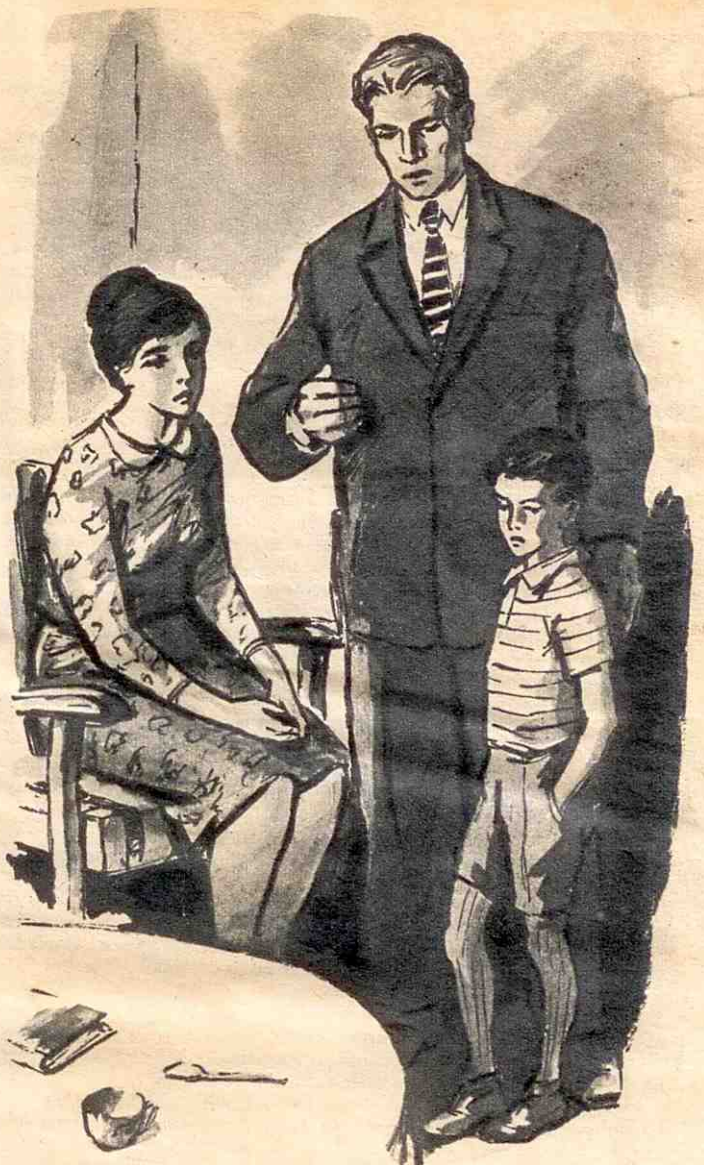
Успели ребята выйти из тайги до того, как поднялся туман, или не успели? Вот что сейчас было главным. Она представила себе Сережу, темноглазого, маленького — девять лет ему исполнится только в августе, — и вздрогнула. Ей стало страшно.

Она попыталась успокоиться, села на диван, взяла книгу. Но строчки сливались в одну, книга выскользнула из рук и упала на пол. Людмила даже не нагнулась поднять. Сидела, закрыв глаза. Перебирала в памяти то, о чем еще сегодня старалась не думать.

...Она нашла свое счастье здесь, на Севере. С Дмитрием они встретились прошлой весной и больше не расставались. Она забыла все: долгие вдовьи годы, горечь одиночества. Казалось, юность с ее пылом и безудержной радостью вернулась снова.

Однажды, получив письмо из дома, она вскрыла его при муже. Из конверта выпала фотография мальчика. Такие же, как у нее, темные, длинного разреза глаза смотрели с фотографии доверчиво и ясно. Подошел Дмитрий.

— Родная моя, — сказал он тихо, — мы оба с ума сошли...

КОСТРЫ НА СОПКАХ

РАССКАЗ

Галина ОСТАПЕНКО

Рисунок Н. ГОРДЕЙЧИКА.

Почему сын до сих пор не с нами?

Сережу привезли перед началом учебного года. Худенький, длинноногий мальчик, совсем незнакомый — она не видела его два года, — выскочив из автобуса, бросился прямо к ней.

— Мамуся, — кричал он, — я тебя узнал! Я тебя сразу узнал!

Захлебываясь словами, раскрасневшись от счастья, он рассказывал, как жил без нее с бабулей, как летел на самолете, и все прижимался к ее руке, которую крепко держал в своей, маленькой и влажной.

До приезда Сережи Людмила много думала о том, как встретится сын с отчимом. Боялась этой встречи.

Но все обошлось лучше, чем она ожидала. Сережа с первых же дней потянулся к Дмитрию, доброму, веселому и общительному.

— Правда, с Сережкой как-то еще уютнее стало?— говорил он.

«Мои мальчишки» звала их Людмила. Ей казалось, что оба, большой и маленький, чем-то неуловимо похожи друг на друга. Дмитрий среднего роста, широкоплечий и широколицый, с синими, легко вспыхивающими глазами. Сережа худенький, угловатый, с нежным, бледным личиком, темноволосый. И все-таки похожи. У обоих прямой, открытый взгляд, за любое дело оба берутся с азартом и доводят до конца. Оба упрямые, смешливые и любознательные. Она гордилась их дружбой.

— Дядь Дим!— еще с порога звал Сережа, прибегая из школы.— Покажите нам приемы бокса! Вы ж обещали!

Дмитрий на такие призывы обычно откликнулся охотно. Рассказывал о борцах, показывал приемы и даже принимал участие в дружеской свалке.

Но как-то вечером, когда сын уже лежал в постели, Дмитрий сказал:

— Хотел сегодня расчётами подзаняться, да вот опять мальчишки не дали.— Сказал он это вполне добродушно, но на следующий день, когда Сережины приятели, как всегда, прибежали вместе с ним в дом, Людмила под каким-то предлогом их решительно выпроводила.

В тот вечер дома было тихо. Сережа убежал к товарищу и вернулся поздно. Так повторилось и на второй день и на третий...

Дмитрий сначала удивлялся.

— А где же хлопчики?— спрашивал он, и было заметно, что ему действительно не хватает ставшей уже привычной звонкой ребячьей суматохи.

Людмила видела это, но Дмитрий не был мальчику отцом, и ей казалось, что она поступает правильно, давая мужу покой. Разве ее сыну плохо жилось? Сережа ходил в школу, бегал на каток. Ему купили дорогие лыжи, коньки, щегольской лыжный костюмчик, безотказно давали деньги на кино.

«Не мешай дяде Диме»,— говорила Людмила. И Сережа не мешал. Он молча собирал учебники и уходил. Только однажды она увидела, как он, уже одетый, стоя в дверях, обернулся и посмотрел на мать как-то очень тоскливо и просительно.

Людмила не сразу заметила, что сын перестал называть ее мамочкой, целовать перед сном, обращаться к Дмитрию с вопросами. И держаться начал как-то странно. Быстро раздражался, грубил, смотрел исподлобья.

Недавно, когда Дмитрий отдыхал после работы в другой комнате, Сережа, не поднимая глаз от книги, отрывисто сказал:

— Мама, мне деньги нужны. Наши ребята собираются... в общем, нужны. Дай сама или возьми там у своего...

Кровь отлила от щек Людмилы.

— Как ты смеешь так говорить о дяде Диме?

— Что он, отец мне, что ли, твой «дядя Дима»? Подумаешь!

Услышав звук пощечины, из спальни выскочил Дмитрий, схватил Людмилу за руки, усадил в кресло и растерянно сказал Сереже:

— Это, брат, не дело... Разве так с мамой разговаривают?

Сережа стоял, держась рукой за покрасневшую щеку. Мелкие белые зубы его оскಾಲились, как у волчонка, темные глаза, полные непролитых слез, сузились.

— Ну и целуйтесь с ней!— крикнул он хрипло.— Вы только и знаете, что целоваться... Она меня ударила! Из-за вас! Оттолкнув Дмитрия, он выбежал из комнаты.

Ночью, проснувшись, Людмила увидела, что Дмитрий с открытыми глазами лежит на спине. На улице перед окном горел фонарь. В смутном его свете лицо Дмитрия казалось постаревшим, чужим.

С этой ночи она часто начала замечать на себе его недоумевающий, печальный взгляд. Ей подумалось, что он охладевает к ней, тяготится семьей.

Она перестала понимать, как нужно держать себя с обоими. Знала одно: счастье ушло, проскользнув между пальцами, как уходит прохладная вода, освежившая на минуту.

...В комнате стало совсем темно. За окном в плотном тумане слабо расплылось желтое пятно фонаря. Дверь открылась, голос Дмитрия громко спросил:

— Почему темно? Ты одна, сумерничает? А Сережка где?

Он засмеялся, начал отряхиваться, топтать ногами.

— Понимаешь,— говорил он уже из спальни,— решили

все-таки по-моему... Насчет нового оборудования. Помнишь, я рассказывал? Людонька, а где у нас гребенка? О, черт!

В спальне что-то упало, зазвенело.

— Людка, кажется, твои духи,— виновато сказал Дмитрий.— Прости, ей-богу, я тебе новые куплю. Завтра же! Ты какие...

Людмила перебила его.

— Дима!— Голос ее звучал глухо.— Сережа в тайге...

Вспыхнул свет. Вытянув шею, Людмила пристально всматривалась в лицо мужа. Равнодушная она бы ему сейчас не простила.

Но он торопливо подошел к ней, крепко обнял. Мокрые его волосы пахли дождем, сильные руки казались самым надежным прибежищем.

— Почему в тайге? Что случилось?

...В одиннадцать часов вечера в окно постучали. Вошла Ильинична, депутат поселкового Совета, и молодая учительница Раиса Ивановна.

— Сережа тоже, значит, не вернулся?— взволнованно спросила Раиса Ивановна, быстро оглядевшись вокруг.

В первом часу стало известно, что вернулись все, кроме Сережи.

* * *

К утру туман рассеялся. Взошло солнце. Легкие испарения поднимались от почерневшей, пропитанной влагой земли. Только сломанные ветки деревьев да поваленный сушняк напоминали о вчерашнем урагане.

На розыски пропавшего мальчика еще ночью ушли охотники, звавшие тайгу вдоль и поперек, северяне с дочерна загоревшими лицами и цепкими взглядами следопытов.

Дмитрий уговорил Людмилу дожидаться Сережу в поселке, а сам вместе с одной из групп, в которой были рабочие его завода, седобородый, жилистый Иван Миныч и сумрачный человек, которого все почему-то звали по фамилии— Федотов, отправился в тайгу.

...Долго бродили они по тайге, по пути осматривая каждую расщелину, забираясь в самую гущу стланика.

— Не проходил он здесь,— буркнул Федотов, останавливаясь.— Хотя какой след, я бы сразу приметил.

И хотя ему никто не возразил, раздраженно повторил:

— Уж я бы приметил...

Снова наступила ночь. Еле передвигая от усталости ноги, все трое забрели на вершину очередной сопки, ступили на самый ее гребень, ровный и узкий.

Дмитрий расправил сведенные напряжением плечи, поднял голову, глянул и остановился. На трех сопках, замыкавших долину, где раскинулся поселок, полыхали гигантские костры. Тонкое розовое зарево дрожало в небе.

— Что это?— спросил он.

— Костров не видал?— вопросом ответил Миныч и пояснил:— Завсегда костры жгут, когда человек в тайге блукает... Для твоего сына и жгут.

Охотники сделали привал, выпили по глотку спирта. Поднялись.

— Пошли, что ли!— сказал Миныч.— Видно, не судьба...

— Идите,— сказал Дмитрий,— я догоню.

Дмитрий сел, положив подбородок на высоко поднятые колени, и сосредоточенно курил папиросу за папиросой. В то, что Сережа жив, он уже не верил.

Сморщившись, как от боли, Дмитрий медленно закрыл глаза.

Что произошло в его семье? Почему позволил он оттолкнуть от себя ребенка, которому хотел стать отцом? Выходит, только хотел...

Ему вспомнился ранний зимний вечер, густой снег, падающий за синими окнами, голос Сережи: «Дядя Димочка, ну, один вечер! Только один! Я позову мальчишек, вы нам расскажете... Как раньше. Все вместе... А, дядь Дим? Попросите маму...»

И ведь он обещал тогда мальчику. Он даже помнит, что собирался рассказать своим хлопчикам... Но пришла Людмила, напомнила ему о чертежах, разложила их на столе, а Сережу уговорила идти в кино на «Василису Прекрасную».

В окно было видно, как он шел по двору, понуро загребая ногами мягкий снег, безнадежно опустив плечи... Почему я тогда ничего не сказал? Боялся встать между матерью и сыном? А она? Боялась, что мальчик помешает ему?

— Бедная моя... родная моя!— не открывая глаз, пробормтал Дмитрий.— Что же ты наделала?

И тут же яростно и сурово обрушился на себя: «А где

(Окончание на стр. 9.)

В последние годы промышленность химических волокон развивается очень быстро. За годы семилетки объем ее продукции почти удвоился. Но еще быстрее будет расти выпуск синтетических волокон в ближайшее время. Если в прошлом году было произведено 310 тысяч тонн химических волокон, то в 1965 году их будет сделано 440 тысяч тонн, в 1970 году — 1 350 тысяч тонн.

Появятся десятки новых заводов и комбинатов синтетических волокон, таких, как вступивший недавно в строй черниговский гигант большой химии. Его сооружала молодежь, приехавшая на эту комсомольскую строй-

ку у берегов Десны со всех концов страны. Юноши и девушки не только построили комбинат, но и стали к машинам и агрегатам в его цехах. Страна уже получила тысячи тонн черниговского искусственного шелка и корда.

Комсомолка Светлана Колбасина, которую вы видите на вкладке, приехала в Чернигов из Хабаровска. Она овладела специальностью перемотчицы и стала одной из лучших работниц комбината. Недавно ей присвоено звание ударницы коммунистического труда.

Фото В. ШКОЛЬНОГО.

В. ИВАНОВ. БОЕЦ У ЗДАНИЯ.

В. БОРОВСКИЙ

МАТЕРИ КУБЫ

Прошло пять лет со дня победы кубинской революции. 1 января 1959 года повстанческая армия Фиделя Кастро вошла в Гавану, покончив навсегда с террористической диктатурой Батисты — ставленника американских монополий.

Это была невиданная революция. Впервые над одной из стран американского континента взвилось знамя социализма!

Нелегко путь кубинской революции: на долю народа выпали суровые испытания. Он успешно преодолевает их, опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, на солидарность всех свободлюбивых народов мира.

Кубинский народ подводит итоги трудового 1963 года. Революционной Кубе в минувшем году пришлось не только преодолевать экономическую блокаду империалистов; но и с помощью друзей ликвидировать последствия страшного стихийного бедствия — невиданного урагана, обрушившегося на провинцию Ориенте. И, несмотря на все это, остров Свободы одерживает замечательные победы в экономическом строительстве. Вступают в строй новые заводы и фабрики; с помощью советских специалистов сдан в эксплуатацию инструментальный завод, строится комбинат по производству газового и санитарно-технического оборудования; 16 верфей, оборудованных новейшей техникой, начинают выпускать рыболовные суда большого тоннажа...

В горах Сьерра-Маэстра в годы революционной войны кубинские женщины сражались рядом с мужчина-

ми в рядах народного ополчения. И сейчас на трудовой вахте кубинские патриотки совершают замечательные подвиги. О них народ всегда говорит с гордостью и горячей благодарностью.

Жарким июльским днем я сидел в приемной Национального института аграрной реформы — ИНРА. За окном виднелась самая большая в Гаване площадь революции с обелиском-памятником Хосе Марти.

Я ждал заведующего одним из департаментов, он должен был вернуться из поездки в соседнюю провинцию. Вокруг кипела работа: непрерывно звонили телефоны, стучали пишущие машинки, приходили и уходили люди.

Парнишка лет двенадцати с русской копной волос над высоким лбом то и дело входил в приемную с бумагами в руках, говорил

о чем-то с дежурным офицером и снова исчезал.

— Что тут делает этот мальчик? — спросил я у секретаря.

— Энрике? Наш добровольный курьер. Однажды мы помогли ему в беде, и с тех пор он прижился у нас: приходит с утра на весь день. Думаем устроить его в интернат — школьный городок имени Камило Сьенфуэгоса. Паренек смысленный.

И вот Энрике Бланко Гомес рассказывает мне свою историю.

— Я младший в семье. Сестра Франсиска работает в министерстве труда. Нас было три брата, но старший погиб. Это случилось в

самый канун победы революции, в декабре 1958 года. Фульхенсио было тогда 19 лет, он учился в Гаванском университете. Не только учился, но и боролся в подполье против диктатуры. Его очень любили за храбрость товарищи. В тот день — второго декабря — полицейский агент по кличке «Эль ниньо» задержал брата с листовками. От него не было никаких вестей до самого первого января 1959 года, когда в Гавану вошла революционная армия Фиделя Кастро. Тогда маме позвонили по телефону и сообщили: с братом плохо. Она сразу кинулась в Пинар дель Рио: туда батистовцы увезли брата. Его товарищи рассказали ей, как палачи издевались над Фульхенсио, как убили его... Крестьяне нашли тело брата возле местечка Канделария, на берегу лагуны. Там они поставили крест, а Фульхенсио похоронили на кладбище. Мама упала возле креста и больше не поднималась. Ни за что не хотела уходить. Тогда крестьяне построили ей шалаш, стали приносить пищу. Так продолжалось долгих семь месяцев.

— И вот я пришел сюда, — продолжал мальчик, — и рассказал о маме... Товарищи поехали в Канделарию, увидели маму — она ужасно похудела и стала совсем седой. С ней поговорили, и она вернулась домой, сказала: «Да, у меня есть еще два сына и дочь. Мой долг перед ними дает мне силы жить». Теперь только все повторяет: «Эрике, ты должен учиться, я хочу, чтобы ты был таким же, как Фульхенсио...» Так говорит моя мама Сабина Гомес...

Позднее я узнал, что мечта Эрике осуществилась: он получил государственную стипендию и успешно учится. А сестра его Франсиска активно участвовала в кампании по ликвидации неграмотности.

Помню, как в канун 1962 года в празднично украшенную Гавану съезжалась со всех уголков страны сотысячная армия алфавитизаторов — добровольцев, обучивших в течение года читать и писать миллион неграмотных. Опаленные тропическим солнцем, в покрытых пылью солдатских башмаках, с рюкзаком за плечами и ставшей символом просвещения лампой-«молнией» в руке, они наводнили тогда ликующую столицу. По меньшей мере половиной алфавитизаторов были девушки. Гордо подни-

мали они над головами транспаранты: «Куба — территория, свободная от неграмотности». И звонко пели свою ставшую гимном молодежи песню: «Мы бригадисты Конрадо Бенитеса, мы авангард революции».

Конрадо Бенитес был молодым учителем, которого наемники реакции убили в горах Эскамбрая в январе 1961 года. В ответ на подлое злодеяние более ста тысяч юношей и девушек создали бригады имени Бенитеса и отправились в деревню обучать крестьян.

Враги снова и снова пытались их запугать, стреляли по ним из-за угла, совершали дикие расправы. Когда кампания по ликвидации неграмотности уже заканчивалась, всю страну облетела страшная весть о злодейском убийстве юного алфавитизатора Мануэля Алькунте.

В те тревожные дни меня познакомили с сеньорой Матильдой Серрано — матерью бригадиста Луиса Эрнандеса, обучавшего крестьян в провинции Матансас. Донья Матильда показала мне телеграмму сына, присланную на имя братьев:

«Пал один, осталось сто тысяч. Мы победим. Родина или смерть. Обнимаю. Луис».

В тот же день мать ответила Луису:

«Сын мой, радость моя. Я никогда не думала, не представляла себе, что ты когда-нибудь сделаешь меня такой счастливой. Твои слова, самоотвержение, твоя стойкость и революционное сознание, возвышенное понимание долга, возложенного на юные плечи, наполняют сердце мое гордостью. Твоя телеграмма заставила еще ярче вспыхнуть в твоих братьях-миллисианос любовь к нашему общему делу, к революции; словно чудесный бальзам, она глубоко проникла в сердце и душу твоей матери. Я вижу, как в эту минуту ты открыто и решительно посвящаешь всего себя Родине, выполняешь свой долг до конца в том месте, которое сам избрал, осуществляя взятое нашим вождем обязательство искоренить на земле Кубы кошмар, каким была неграмотность».

Разве могли враги запугать народ, у которого такие матери? Разве можно покорить такой народ? Нет, никогда империалистам и их наемникам не погасить маяк, зажженный революцией на острове Свободы!

(Костры на сопках. Окончание.)

были твои глаза? Твое сердце? Почему ты не помог ей, не сказал своего слова, отец семьи? Теперь хоть голову о камни разбей — ничем не поможешь. Нет больше Сережи».

Дмитрий скрипнул зубами. Горло сдавило от трудного мужского рыдания. Он с усилием сдержался и быстро, рискуя упасть, начал спускаться с кручи.

Когда он подходил к поселку, солнце уже взошло. Недалеко от первых построек посередине дороги стоял мальчишка. Дмитрий узнал в нем Генку, приятеля Сережи.

— Генка! — крикнул он.

Генка заметался по дороге, как заяц. Повернул было к поселку, остановился, повертелся на месте и побежал к Дмитрию.

— Дядя Дима! — не переводя дыхания, начал он сразу же. — Я больше не могу. Я обещал, но больше не могу... И завод стоит, и костры эти... Понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответил Дмитрий, волнуясь. — Кому ты обещал?

— Да Сережке же! — выпалил Генка, уставившись в поблевшее лицо Дмитрия. — Дядя Дима, вы не переживайте! Ничего не потерялся, он к бабке в Москву убежал... Он сказал: «Я им мешаю. Я, — говорит, — на попутных, а в Магадане на пароход и прямо в трюм».

Дмитрий рванул на себе ворот рубахи.

Пожилая женщина, проходившая в это время по дороге, остановилась и от удивления чуть не выронила из рук полную кошелку. Взрослый мужчина, растрепанный и небритый, подхватил на руки конопатого мальчишку, подбросил его вверх, поймал, закружил с ним.

* * *

Сережку вернули через два дня.

— Мальчик мой... Мальчик мой! — рыдая, повторяла Людмила, протягивая к нему похудевшие руки.

Она обнимала его, прижимала к себе круглую темноволосую голову, гладила тоненькие шершавые пальцы с обломанными ногтями.

Стараясь не показать Сереже своей радости, Дмитрий внимательно наблюдал за ними. Мальчик поздоровался вежливо, а увидев мать, бросился к ней, но все равно чувствовалось, что он уже выработал какую-то свою линию поведения. Это сквозило в каждом рассчитанном повороте головы, в сухом, вызывающем блеске глаз.

Когда первые бурные материнские восторги утихли, Дмитрий сказал:

— А теперь поговорим.

Сережа стоял — руки в карманах, на лице скука, взгляд рассеянный, одна нога независимо выставлена вперед.

Дмитрий увидел порванный, грязный чулок в резинку, длинную, распухшую ссадину на лодыжке.

Сжалось сердце. Но он пересилил себя: слишком многое решалось в эти минуты.

— Дима, не надо ничего говорить... — тихо попросила Людмила. — Он же здесь... со мной.

— С нами, — строго поправил Дмитрий.

Мальчик с интересом покосился на него. Потом опять скачущие заскользил взглядом по стенам.

— Хорошо. — Дмитрий встал. — Маме сейчас трудно разговаривать. Она слишком много пережила. А ты, Сергей, переоденься и ступай в школу. Думаю, разговор у тебя с ребятами будет большой.

Не глядя на отчима, Сережа строптиво спросил:

— Мама, это обязательно... в школу?

Дмитрий, не дожидаясь ответа жены, сдержанно ответил:

— Да. Обязательно.

Когда сын ушел, Людмила дрожащими губами проговорила:

— Зачем ты так? Он ведь у меня один...

Дмитрий взял руку жены в свою и без обиняков рассказал, о чем думал все эти дни, что пережил и перечувствовал.

— Еще много трудного нам предстоит, — сказал он. — И ошибаться, наверное, будем не раз. Но все же постараемся делать это пореже.

Дмитрий сел в кресло и закурил.

Самое трудное — он ни на минуту не забывал об этом — было впереди.

Виталий МУРЗИН

Дым

Значит, не жалеешь, что осталась.
Ты была совсем другого мнения:
Газ и ванная, диваны и ковры.
Светлая путевка черной тенью
Встала между нами с той поры.
Да. Квартира — веская помеха...
Слышу под колесный перестук
Голос твой: «Я не могу уехать».
На плечах тепло прощальных рук.
Вьется струйка голубого дыма,
Тянется к раскрытому окну.
Вижу в нем глаза твои, любимая.
Черных кос бегущую волну.
Будет дым развеян свежим ветром.
Тепловозы весело трубят.
Мне летят навстречу километры
Счастьем жизни. Только без тебя.

Екатерина ЯНИШЕВСКАЯ

Крановщица

В синем вечере месяц светится
И над гаванью все кружит,
Словно хочет он с кем-то встретиться.
Кто же месяцу запретит?
А на стройке, на кране башенном,
Часто слышно вечерней порой:
Крановщица поет, и не страшно ей
Ясный месяц задеть стрелой.
Серебристою стала улица,
А девчоночка все поет.
Эх, не выдержит месяц, влюбится,
Прямо в ноги к ней упадет.

Нина САНИЦКАЯ

Снег

Как наводнение света,
Куда ни глянешь, — снег.
Мне кажется, что это
Летит на землю смех.

Слепящий, белозубый
Слетает сверху вниз,
На плечи виснет дуба,
Садится на карниз.

Невинный, белолобый,
Он вроде про запас
Прессуется в сугробы
Для нас с тобой, для нас.

Рассвет

За горой маляр хлопочет,
Не жалеет рук и сил:
В темно-синий сгусток ночи
Добавляет он белил.

Создает для утра колер,
Голубой он ищет цвет,
Призадумался и пролил
Мне на голову рассвет.

Ефимия Давыдовна Яскина.

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

ДОВЕРИЛ НАРОД

Т. АЛЕКСАНДРОВА

— Возьмите пассажира!..

Дверь кабины открылась. Высунулся молодой парень, помощник машиниста. Увидел около электровоза дежурного по станции, рядом с ним стройную женщину.

— Прошу в салон. — Парень проглотил смехок. Потер перила белым пучком пакли. — Трапа, извините, не будет.

Она легко взобралась в кабину по вертикальной лесенке. Весело прокричала в темноту:

— Спасибо большое, товарищ дежурный! Выручил!

— Товарняк, значит, предпочитаете?

— Просто не успела на скорый.

Вспыхнула яркая лампочка под потолком. И парень сразу заметил усталость на лице женщины, морщинки. Понял: не тот выбрал тон. Обманула чертова темнота.

Вытер кресло. Включил печку. Женщина взглянула на него благодарно.

— Сменяетесь где?

— В Рузаевке.

— Там дом?

— Жена и сын.

— Значит, доедем быстро.

Парень улыбнулся.

Вошел машинист.

— Ну, поехали!

От печки шло блаженное тепло. Хорошо! В дороге всегда хорошо. Наверное, оттого, что делится человек хлебом, теплом... Оттого, что всякий раз с радостью открываешь давно открытое:

а люди-то, люди какие вокруг замечательные!

— Приходилось тут ездить? — спросил машинист.

— Много раз. Это самая первая в жизни дорога. Учиться когда-то тут ехала. В Саранск. На рабфак.

— Когда же это было?..

— Лет двадцать пять назад... Соврала: уже двадцать семь... Давно...

И она вдруг очень просто и легко, как давно знакомым людям, рассказала про тот памятный в ее жизни день.

...Мать в то утро пекла ржаные лепешки. Выкатывала их из печки, сдувала золу и складывала в маленький деревянный сундучок. А слезы бежали и бежали по щекам... Мать казалась очень маленькой, сгорбившейся. И поэтому никуда не хотелось ехать. Но сидел внутри кто-то упрямый и дразнил: «Эх ты, учительница!.. Окончила семь классов. Учишь ребятшек читать и писать, а сама-то много ли знаешь? Уже семнадцать лет на свете живешь».

Потом она уходила все дальше и дальше по пыльной дороге. Оглянулась. Избы Очадова хмуро смотрели ей вслед из-под соломенных шапок. Мать все еще стояла у околицы. В короткой белой рубашке с каймой. И отчего так любила мордовки расшивать свою одежду? Исстари это повелось. Усаживались вечерами у лучин, отложив бесконечные хлопоты по дому. Выходили из черных углов страшные мордовские сказки. Только в глухом краю и могли родить-

ся такие. Обступали вплотную. Потом исчезали. Пугались озорных шуток. Проворные иголки ныряли и ныряли в белое полотно, и разливалась в затейливых узорах радость, которой так не хватало в жизни.

Говорили у них в селе: «Мордва труд любит». А что получали они раньше за свой труд? Мордва-мокша, мордва-эрзя... Две народности, как две сестры. Одна жила на реке Мокше, другая — на Алатыре. Первая носила рубаху покороче, вторая — подлиннее, в праздник надевали разные украшения, поразному завязывали платки, но были одинаково забиты и нищ...

И как две капли воды были похожи мокшанские и эрзянские села: грязь, навоз, избы топились по-черному, тридцатилетние старухи со следами трахомы и оспы на лицах. Вечный голод...

Вот только когда колхозы появились, стали хлеб есть досыта, ребятишек в школу повели. Но ведь этого мало! Сломать бы все мрачные избы и построить новые, с большими окнами, под железными крышами... И еще бы радио в каждый дом... И электричество. Так мечтала когда-то.

...Отступкивали на стыках рельсов колеса. Электровоз промчался мимо какой-то станции. И опять нырнул в темноту ночи.

Женщина рассказывала, что сегодня она снова побывала в своем Очадове. Ни одного старого дома... Встретила свою подругу детских лет Катю Велькину и своего бывшего ученика Федора Савина — ох и озорной был! — сейчас оба преподают в школе. Есть в селе и врачи свои, очадовские. На фермах доярки с десятилеткой. Раньше казалось: будет все это — и мечтать больше не о чем. Так нет, все равно считаем: дел еще непочатый край. Нужно построить в селах республики много новых домов культуры, школ-десятилеток, ферм с новейшей техникой и дороги шоссе-ные... Все новые и новые планы.

— Нельзя, наверное, так, без предела? — обратилась вдруг она к машинисту.

Посмотрела на него пытливо. И помощник понял, что вовсе не мучат ее сомнения: «Можно так или нельзя?» — просто хочет узнать, что за человек перед ней.

— Отчего же нельзя? — с расстановкой произнес машинист. — Это даже хорошо. Это значит, жизнь вперед идет.

Машинист оказался философом. Он сумел преподать настоящий урок по экономике. Он рассказал о том, что еще совсем недавно здесь, на «мордовском плече» дороги, составы почти и не нагружались. Что из Мордовии можно было везти? Хлеб разве что? А сейчас — экскаваторы, самосвалы, лекарства, шифер, цемент, неоновые светильники...

Подмигивали то и дело светофоры колючими глазами. Перед электровозом бежала яркая полоса света, казалось, поезд гнался за ней, прибавляя скорость, и никак не мог догнать. Разговор в кабине машиниста не стихал. Перепрыгивал неожиданно с одной темы на другую.

Женщину интересовало все. За четыре часа она многое узнала о своих собеседниках. И даже пожурила помощника за то, что тот молод, а не

учится, и, кажется, сагитировала его поступить в Мордовский университет на заочное...

Навстречу уже неслись огни Рузаевки. Электровоз начал замедлять ход.

— Может, приведется еще встретиться, — сказала попутчица на прощание. — Мне ведь везет на хороших людей.

Когда она уже открывала дверь вокзала, к электровозу подошел дежурный по станции.

— Ну, как довели президента?

— Не понимаю я вас что-то, — сказал машинист. — Просто ехала с нами одна женщина, очень приветливая.

— Так это и есть Ефимия Давыдовна Яскина, председатель Президиума Верховного Совета Мордовии. Тут и шофер дождался ее. Да, душевный она человек. Недаром же народ такой пост ей доверил.

* * *

От Рузаевки — большого железнодорожного узла — до Саранска полчаса езды на машине. Во всяком случае, так считалось года четыре назад. А сейчас эти два города так шагнули навстречу друг другу, что едва успевают скрыться из виду последние дома Рузаевки, как уже появляются заводские корпуса Саранска.

Ефимия Давыдовна сидела рядом с шофером и медленно поворачивала ручку приемника. Где-то играли «Алпассионату». Всю жизнь она мечтала учиться музыке. Но свободного времени все почему-то не находится.

Сегодня рассчитывала вернуться пораньше — не вышло: уже первый час ночи. По привычке стала думать о прожитом дне: все ли успела сделать?

Ездил по Zubовой-Полянскому району. Вызвала из Саранска заместителя председателя Мордотребсоюза, вместе побывали в поселке завода «Дубитель». Пришлось кооператору выслушать от рабочих много неприятных слов. Ничего, такое всегда идет на пользу. Почему магазины орса работают хорошо, а на магазины потребсоюза без конца поступают жалобы? Может быть, чья-то нерасторопность, халатность? Нужно поставить этот вопрос перед Советом министров.

Звонила в колхозы. Так хотелось побывать там самой! Ведь народ-то всюду родной, почти три года работала здесь секретарем райкома.

— Алло! Колхоз Кирова? Председатель? Здравствуй, Осип Кузьмич. Как там живет Шуняева? Да, да, доярка. Писала она... Что? Нет. Мне многие просто так пишут. И из Ардатова и из Ширингушей. Я ведь была в этих районах на партийной работе. Помнят. Ну, что ты, мне это приятно. Так ты помог Шуняевой достроить дом?.. Новоселье? Значит, нашел все-таки средства. Ничего-ничего, колхоз из-за одной крыши не разорится, внимание к человеку дороже. Оно потом ой как окупится! А Шуняеву обязательно поздравь от меня.

Внимание к человеку... Вспомнила первые дни своей работы в Zubовой Поляне. К ней шли и шли посетители.

Судьбы разные. Сложные. Спрашивала себя постоянно: «Не слишком ли ты чувствительна? Да, конечно, помочь

человеку надо. Но вчера полдня приняла по личным вопросам, сегодня. А как же дела главные, районные?»

Пришла молодая женщина — устройте на работу, вторая с такой же просьбой, третья...

Говорили об этом на бюро. Решили выяснить, сколько же незанятых рабочих рук в поселке. Оказалось немало. Хватило бы на целое промышленное предприятие. Поехала в совнархоз, в обком. Сначала советовалась, потом просила, наконец, настаивала и требовала. Говорят, мордва — народ упрямый. Правильно говорят. А строительство предприятия было включено в план.

Эта история ее многому научила. Она поняла: между судьбой советского человека и большим государственным делом — тесная связь. В этой связи и смысл и сила нашего строя.

Завтра у нее день приема в Верховном Совете. Эти дни, пожалуй, самые важные.

Приходит каждый с делом самым неотложным. Один с личным, второй с общественным. Хорошо, когда человеку тут же удастся помочь. Но некоторым в просьбе приходится отказывать.

— Да, в одной комнате жить семье плохо. Но потерпите. Домов новых много, но с жильем пока еще трудно.

После приема всегда возникают десятки вопросов, которые нужно обсудить на постоянных комиссиях Верховного Совета республики, поставить на Президиуме.

В Старошайговском районе жаловались на плохое медицинское обслуживание. Выехала депутатская комиссия. Выяснила: во многих больницах не хватало врачей, не было необходимого оборудования. Президиум Верховного Совета обязал Министерство здравоохранения навести порядок, строить новую больницу в районе. Недавно говорила с депутатами — жалоб меньше.

Скоро соберется сессия Верховного Совета. Будет принимать закон о бюджете, утверждать годовой народнохозяйственный план. А для этого нужно до мелочей знать жизнь каждого города, поселка, села, нужды, заботы тысяч и тысяч людей. Новые квартиры, новые детские сады, школы, клубы. Войдет закон в жизнь, и каждый депутат вычеркнет из своего блокнота сотни просьб, пожеланий.

...За окном машины бежали саранские улицы. Поворот на Московскую. И вдруг открылся сразу весь центр города. Он на горе. Дом Советов, гостиница, Дом печати, новый театр, светящийся неоновым универмаг... Раньше, когда знакомили приезжего с Саранском, говорили: «Вот наша столица». И было в этих словах словно какое-то извинение, уж очень город был мал. Сейчас произносятся слова те же самые, но в них и достоинство и гордость.

Ефимия Давыдовна и не заметила, как машина подъехала к дому.

Думала, после дня в дороге уснет как убитая, а сон долго не приходил. И, как ни странно, его отпугивало хорошее настроение.

В Zubовой Поляне многие ей говорили: «Сколько вы здесь сделали...» Хмурилась: «Почему я?» И все-таки было приятно. Да, и она тоже, вместе со всеми. Есть в жизни ее след...

Гелена Лефлерова выступает на Всемирном конгрессе женщин

— Если я сама стала коммунисткой и, выйдя из лагеря, вступила в партию,— говорит Гелена Лефлерова,— то этим во многом обязана им.

Где ты, Тамара, простая русская женщина, учительница литературы? Ты, наверное, не подозревала, как много значила для Гелены твоя дружба. Сидя в мастерской за швейной машиной, ты тайком от надсмотрщиков, от мастера-эсэсовца Биндера рассказывала Гелене о своей советской Родине, и каждое слово твое было великой поддержкой. Ты учила Гелену русскому языку, читала для нее стихи русских поэтов, которые Гелена затем декламировала в бараке чешским женщинам. Ты тоже помогла Лефлеровой устоять, выдержать до конца.

ЦЕНА ГОРЯ И СЧАСТЬЯ

Н. НОВИКОВ

Ничто не предвещало беды. Люди мирно спали, не подозревая, что над ними нависла смертельная угроза. Ранний июньский рассвет еще только начал зарождаться, когда отряд эсэсовцев и гитлеровской полиции со всех сторон окружил деревню Лидице. Налетчики врываются в дома, подымали испуганных людей с постелей и выгоняли их на улицу. Мужчин и юношей старше шестнадцати лет согнали во двор усадьбы семья Горак и закрыли в подвале, в скотном сарае. Женщин и детей посадили в автобусы и отвезли в Кладно.

Никто из женщин не думал, что в то утро они в последний раз видели своих отцов, мужей, братьев. Автобусы были еще в пути, когда эсэсовцы тут же, возле усадьбы Горак, расстреляли всех мужчин — 173 человека. Женщины не знали, что в это время их деревня была уже уничтожена. Захватчики сожгли и сравняли ее с землей, даже руслу речушки, протекавшей через Лидице, дали другое направление. Матери не ведали о том, что их малые дети уже отправлены из Кладно под Лодзь — в детский лагерь унич-

тожения. Не знала и Гелена Лефлерова, что уже нет в живых ее отца, старого кладненского шахтера Франтишека Пухмелтера, нет в живых ее мужа, рабочего-металлурга Антонина Лефлера, а младшая сестренка, Венцеслава, никогда не вернется из детского лагеря смерти.

Так в двадцать один год Гелена Лефлерова вместе с матерью Каролиной Пухмелтеровой и двумястами других лидицких женщин очутилась в Равенсбрюке — женском концентрационном лагере.

Равенсбрюк... Гелена Лефлерова не может произнести это слово без дрожи в голосе. Многие не выдерживали страшного лагерного режима, доходили до полного отчаяния. Такие вместе с престарелыми и больными становились пополнением «группы для уничтожения». Ежедневно эсэсовцы отбирали в эту группу новых и новых людей, вводили в газовую камеру, отравляли и сжигали. Девяносто две тысячи женщин и девушек нашли в Равенсбрюке свою могилу.

Однажды гитлеровцы отделили и увели в дальний угол, где находились обреченные, мать Лефлеровой. Каролине Пухмелтеровой было пятьдесят лет, но от пережитого она стала седой. Седая голова у человека — достаточная причина

для того, чтобы гитлеровцам включить его в «группу для уничтожения». Невозможно представить, что пережили Гелена с матерью. Спасла Каролину Пухмелтерову дочь академика Зденека Неедлы — Зденка Неедла, работавшая в лагерной аптеке. Она достала какой-то краситель. Мать ночью выкрасила голову, «помолодела», тайком вернулась на свое обычное место на нарах и тем спаслась от смерти. А сколько не удалось спасти, сколько произошло трагедий, раздирающих сердце!

Помнит Гелена и другое. К ним в одиннадцатый блок спустя год поступили новые заключенные из Чехословакии. Они не подозревали, что лидицкие женщины еще ничего не знают о расстреле всех мужчин, об уничтожении родного села. Страшная весть обрушилась на них, как разящий удар. Трое сошли с ума.

В такой обстановке самым важным было сохранить твердость духа в себе и товарищах. Среди заключенных находилось несколько коммунистов — русских, чешских, немецких, людей, крепко верящих в правоту своих идей. Их короткие беседы, советы, даже на ходу сделанные замечания были для заключенных неоценимой поддержкой, школой мужества.

— Много лет прошло, но я помню все, о чем мне рассказывала Тамара,— вспоминает Гелена. — Помню почти все стихи, каким она меня учила.

Лефлерова забыла фамилию Тамары, не знает, где она жила до войны, но верит: подруга дней суровых жива и вспоминает о ней.

Но настал час: воины Советской Армии освободили заключенных.

И вот снова Лидице... Женщин, уцелевших в лагере, ждало голое поле, изрытое небольшими оврагами. Ни единого дома, ни единого деревца. На освобожденной земле их не встречают отцы, мужья. Не слышно звонких детских голосов. Только вправо от Кладненской дороги, внизу, в лощине, недалеко от того места, где находилась усадьба Горак, большая братская могила. То, чему не хотели, чему боялись верить в лагере, чтобы не убить в себе последнюю надежду, оказалось потрясающей правдой.

Я видел фотографии тех дней: лидицкие женщины в траурных платьях. Сколько скорби на лицах! Смотришь на фотоснимки, и у самого перехватывает горло.

Женщины сразу избрали Национальный комитет села Лидице. Трудный пост председателя Национального комитета доверили 24-летней Гелене Лефлеровой.

Она организовала розыски лидицких детей, увезенных захватчиками в Германию и Польшу, заботилась о тех женщинах, которые не могли работать и остались совершенно одни.

— Самое главное, — вспоминает Лефлерова, — заключалось в том, чтобы отвлечь женщин от печальных мыслей: ведь многие сидели и целыми днями плакали. Надо было заинтересовать их жизнью страны. Мы сообща обсуждали проекты восстановления Лидице, создали добровольные бригады и работали на строительстве домов. Тысячи писем со всей республики, со всего мира приходили к нам, и мы все вместе собирались и читали их. Женщины чувствовали, что они не одиноки. Много помогала нам партийная организация Кладно.

Четыре года пробыла Лефлерова на этом посту, завоевав большую любовь.

— Наша Гелена, — говорит в Лидице, — человек большого сердца.

За это ее уважают и ценят. Гелена Лефлерова — член Центрального Комитета КПЧ, депутат Национального Собрания республики. Недавно ее избрали председателем Комитета чехосло-

вацких женщин. Она заместитель председателя Международной демократической федерации женщин.

Социалистическая Чехословакия ведет активную миролюбивую внешнюю политику. Все важнейшие международные акты, договоры, соглашения, требующие одобрения Национального Собрания, предварительно рассматривает иностранная комиссия Собрания, председателем которой является Лефлерова. Вместе с другими членами комиссии она обсуждает сообщения министра иностранных дел, различные внешнеполитические документы. Это требует больших знаний, умения разбираться в сложной международной обстановке.

Голос Гелены Лефлеровой звучит не только в Национальном Собрании ЧССР.

Последний раз я встретилась с нею в начале декабря 1963 года. Она только что вернулась в Прагу из Нью-Йорка, где участвовала в работах XVIII сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Гелена с 1957 года — неперенный член чехословацкой делегации на сессиях Ассамблей ООН.

Несколько лет она была членом комитета ООН по правам женщин, а теперь ведет социальными, гуманитарными и культурными проблемами.

От имени чехословацкой делегации Лефлерова внесла в комитет ООН предложение разработать декларацию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, сама участвовала в подготовке этого документа, принятого затем Генеральной Ассамблей. Страстно разоблачает она политику империалистических держав, угнетающих слаборазвитые страны, отстаивает советские предложения о ликвидации колониализма, о всеобщем и полном разоружении.

— За семь лет, — вспоминает Лефлерова, — самой яркой, незабываемой была XV сессия Генеральной Ассамблеи, на которой выступал Н. С. Хрущев. Он буквально потряс до основания фальшивую дипломатию западных держав: Для всех, кто присутствовал на сессии, речь Н. С. Хрущева была ярким примером того, как надо решать самые коренные проблемы человечества.

...За окном уже сумерки, на Вацлавской площади за-

жались огни, а Гелена все еще работает в своем небольшом кабинете. На последнем пленуме Комитета чехословацких женщин стоял вопрос о роли женщин в подъеме сельского хозяйства, а теперь идет подготовка к пленуму, который обсудит роль женщины в промышленности.

— Нужно, — поясняет мне Лефлерова, — помочь женщинам повысить свою квалификацию, общеобразовательный уровень, активнее участвовать в жизни предприятий. Вот почему мы стремимся улучшить работу детских садов и яслей, коммунальных предприятий.

Сегодня ей еще надо обязательно успеть к себе, в Лидице: там собрание местной организации борцов против фашизма, просили выступить...

Небольшой домик в Лидице, в котором Гелена живет с матерью, всегда открыт для тех, кому нужны добрый совет и помощь. Узы, связывающие ее с родным селом, неразрывны. И когда Лефлерова в Национальном Собрании или в Организации Объединенных Наций говорит о мире, она знает цену миру, человеческому горю, счастью...

Прага—Лидице.

К 50-летию журнала «Работница»

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

В марте 1964 года наш журнал будет отмечать знаменательную дату: исполняется 50 лет со дня выхода в свет первого номера «Работницы».

Первый редактор журнала Анна Ильинична Елизарова вспоминала о возникновении «Работницы»:

«...Это было в самодержавной России, в памятное и значительное время того подъема в рабочем движении, которое наступило в 1912 году... Пробуждение политического сознания работниц шло так быстро, потребность получить ответы на интересующие их вопросы была так сильна, что возникла необходимость в выпуске специального журнала для работниц».

Мысль о создании специального журнала для работниц принадлежит Владимиру Ильичу Ленину.

Он придавал огромное значение привлечению пролетарок к революционному движению. В редакционную коллегию журнала входили пламенные большевички Н. К. Крупская, А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, Инесса Арманд, Людмила Сталь, П. Ф. Куделли и другие.

Выпуск первого номера «Работницы» был намечен на 8 марта 1914 года. Незадолго до этого дня царская полиция арестовала членов редакционной коллегии журнала и группу работниц-активисток, связанных с ней. Полиция захватила и все подготовленные к печати статьи. Но журнал вышел в точно намеченный срок — 8 марта (23 февраля) 1914 года. Его подготовила Анна Ильинична Елизарова, которой удалось избежать ареста. Ей помогли передовые работницы питерских заводов.

Так начала свой путь «Работница» — младшая сестра ленинской «Правды».

«Вышел первый номер, и как будто светлее стало кругом, — писала в свой журнал одна из работниц, — в груди теснятся радостные надежды!»

Прошло пятьдесят лет. Журнал «Работница» — один из самых массовых журналов, издающихся в стране. Его тираж достиг 4,2 миллиона экземпляров.

К юбилею журнала выходит сборник «Всегда с вами». Он расскажет о славном пути, который прошла за эти годы «Работница».

В сборнике вы найдете статьи и очерки выдающихся деятельниц нашей партии и международного демократического движения женщин: Н. К. Крупской, А. М. Коллонтай, Е. Д. Стасовой, А. В. Артюхиной, Клары Цеткин, Розы Тельман, Долорес Ибарури и многих других, а также воспоминания людей, работавших в журнале или тесно с ним связанных. Они рассказывают читателям о том, как журнал помог коммунистической партии воспитывать революционное сознание трудящихся женщин, как учил их строить новую жизнь. Читатели найдут в сборнике очерки известных писательниц и журналисток о наших современницах — строительницах коммунистического общества. Материалы сборника расскажут о пролетарском ин-

тернационализме советских тружениц и о том, как участвуют советские женщины в борьбе за укрепление мира, демократии за счастье детей на всей земле.

Сборник богат иллюстрирован фотографиями и рисунками.

Книга называется «Всегда с вами», потому что на протяжении полувека «Работница» была рядом со своими читательницами, советскими женщинами разных поколений.

ВАШИ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОДРУГИ

Жаннетта ВЕРМЕРШ,
член ЦК Французской
коммунистической партии

Главная забота женщин, матерей всего мира — борьба против угрозы атомной войны. Мирное сосуществование или война — так стоит вопрос в наши дни.

Борьба за мир становится для французских женщин кровным делом. Не только потому, что они, как и все женщины и матери, испытали страдания, принесенные войной, но еще и потому, что гонка вооружений во Франции все сильнее подтачивает бюджет семьи, вестя хозяйство с каждым днем становится труднее: военные расходы растут у нас с каждым годом. Они поглощают треть национального бюджета. Дегаоллевское правительство расходует на атомное вооружение такие суммы, которые превосходят финансовые возможности Франции. Вместо того, чтобы бороться за разоружение и в первую очередь за уничтожение атомного оружия, французское правительство отказывается подписывать Московский договор о частичном запрещении испытаний атомного оружия.

На плечи трудящихся, кроме тягот капиталистической эксплуатации, ложатся последствия этой политики правительства. В 1962 году покупательная способность французов снизилась на 12 процентов. Цены катастрофически растут. Правительству пришлось принять решение о превращении в жизнь «плана стабилизации», который в действительности лишь ухудшает жизнь трудящихся и их семей.

Не удивительно, что народ Франции все решительнее борется за свои права. В последние годы миллионы женщин участвовали в забастовочном движении. Они требуют повысить зарплату, одинаково платить за равный труд (разница в оплате труда мужчины и женщины при прочих равных условиях составляет 9,2 процента), сократить рабочее время (работница с завода телефонного кабеля в Банье рассказывала мне, что здесь женщины заняты 57 с половиной часов в неделю), улучшить социальное обслуживание.

Француженки хорошо помнят тот день, когда две тысячи представительниц предприятий, на которых заняты женщины, пришли в парижскую ратушу и вручили тетради с требованиями работниц.

Предоставим слово самим женщинам, пусть они расскажут о своих трудностях и о своей борьбе.

Служащая банка Симона:

— В банке «Креди Лионне» работает около пяти тысяч служащих. Женщинам особенно трудно: их зарплата ниже, чем у мужчин, — поэтому женщины так активно участвуют в забастовках, требуют удовлетворения своих требований.

Жаклин, работница химического завода в департаменте Рона:

— На нашем заводе «Спесиа» 800 женщин направили в мэрию делегацию с требованием открыть для наших детей детский сад. Ведь это факт, что у нас во Франции трудятся шесть миллионов женщин, а яслей всего 480 на 17 с половиной тысяч мест!

Николь, молодая работница на заводе Томсон-Хаустон в Невере (департамент Ньевр):

— Нам пришлось вести борьбу против использования возбуждающих лекарств, которые принимают работницы, чтобы суметь выполнить нормы. Женщинам с большим трудом удается добиться равной с мужчинами оплаты за труд. В монтажном цехе, например, они прекратили на короткое время работу, а затем провели демонстрацию в цехах.

Соланж, молодая сварщица на заводе в департаменте Нор:

— Нас 1 800 рабочих и работниц. Чтобы расколоть наше единство, хозяин ввел различную оплату за один и тот же труд. Тогда мы решили провести забастовку, и хозяину пришлось капитулировать.

Восемнадцатилетняя Кристина, работница из Клермон-Феррана:

— На предприятии Коншон-Кинетт работают 350 женщин, половина из них моложе 20 лет. Молодых жестоко эксплуатируют. Их зарплата на 20 процентов меньше, чем у остальных работниц. Мы не принимаем это как должное. Наоборот, жители нашего города теперь все чаще говорят: «На Коншон-Кинетт опять забастовка!» А в дни, когда полиция убила в Париже восемь патриотов, среди которых были женщины, все наши работницы шли в рядах демонстрантов, полных гнева и скорби.

Это характерно для французских женщин: они не только борются за удовлетворение насущных требований, они все активнее участвуют в политической борьбе.

Выступая против капиталистической эксплуатации, пагубных последствий гонки вооружений, женщины-труженицы идут в первых рядах борцов за мир. Борьбу за экономические требования, за свободу и демократию они не отделяют от борьбы за мир. Женщины понимают, что мирное сосуществование и разоружение позволили бы направить национальные ресурсы и атомную энергию на благо людей.

Работницы, трудящиеся женщины все чаще с тревогой задумываются над будущим. «В то время как нищета приходит в наши дома, а мы надрываемся на заводе, хозяева все больше обогащаются. Женщины горят желанием узнать, как живут их подруги в социалистических странах. Они хотят лучше

Жаннетта Вермерш среди делегатов Всемирного конгресса женщин в Москве.

го будущего для своих детей, хотят уничтожить угрозу атомной войны». Так говорит Соланж, та самая сварщица из департамента Нор, о которой мы уже рассказывали.

В наши дни социализм стал необходимой силой. Эта сила — решающий фактор сохранения мира, облегчающий в известной степени возможность построения социализма для трудящихся капиталистических стран. Выступая против экспорта контрреволюции, как это было во время известных всем событий на Кубе, борясь за право каждого народа самому выбирать социальный строй, Советский Союз показывает высокий образец пролетарского интернационализма.

Миллионы женщин во Франции понимают, что существование социалистического лагеря, национально-освободительное движение колониальных народов, союз и действия всех демократических и миролюбивых сил во всем мире помогают человечеству сохранить мир.

Опыт Советского Союза говорит им: социализм — это мир, прогресс, счастье, человеческое достоинство. И сотни тысяч французских женщин ведут борьбу за социализм.

Вступающая в 1964-й...

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Мы уже живем в новом году. Давно погасли елочные свечи, и все же мне хочется вернуться назад к рождеству.

В тот сочельник произошло необычное событие: всю ночь в Вашингтоне, в Капитолии — здании под большим куполом, — шли заседания американской палаты представителей. Надо вспомнить, что в Соединенных Штатах свято соблюдаются традиции рождественских праздников с индейкой за семейным столом. И уж если американские конгрессмены провели рождественскую ночь в Капитолии, значит, их держало там что-то очень важное. Что же это было?

Известно, что Советский Союз в этом году закупает некоторое количество пшеницы в западных странах, в том числе в Соединенных Штатах. Этот спрос, естественно, вызвал большое оживление в американских деловых кругах. Президент Джонсон, следуя тем же путем, что и покойный Кеннеди, обратился в конгресс с предложением предоставить гарантии кредита тем частным предпринимателям, которые хотят продать пшеницу Советскому Союзу. Это предложение вызвало дикую ярость наиболее реакционных конгрессменов, которых сами американцы называют «бешеными». В конгрессе произошла схватка, которая продолжалась несколько дней и закончилась на рассвете в сочельник, когда 180 голосами против 139 был принят законопроект, предоставляющий президенту США право «гарантировать кредит для частной продажи пшеницы России».

На первый взгляд может показаться, что американские конгрессмены скрестили шпаги по весьма частному вопросу. Но речь идет о гораздо более широкой проблеме, чем продажа партии пшеницы. Борьба в конгрессе США показывает, какой натиск оказывают те силы реакции, которые пытаются вести мир по пути «холодной войны» вопреки разуму и интересам самой американской нации. Речь идет о том, что избрать: путь обострения международных отношений и гонки вооружения или путь нормализации отношений и, значит, расширения торговых и культурных связей.

Те здравомыслящие круги в Соединенных Штатах, которые выступают за нормальную торговлю с социалистическими странами, — это не какие-то «добрые дяди», а просто сообразительные торговцы. Торговля — дело обоюдное. Это знает всякий, кто связан с коммерцией, — от уличного лотошника до министра торговли. Это, впрочем, знают и политические деятели.

Обращаясь к конгрессу, президент Джонсон заявил: «Я считаю, что продажа пшеницы и других сельскохозяйственных товаров на разумных условиях сейчас, безусловно, отвечает национальным интересам Соединенных Шта-

тов: это будет хорошо для наших фермеров и экспортеров, хорошо для нашего торгового флота и железных дорог, хорошо для нашего платежного баланса и хорошо для страны». Это заявление президента США подкрепляется фактами.

Соединенные Штаты встретили новый год далеко не с блестящим балансом. Известный американский журналист Рестон озаглавил свою новогоднюю статью так: «Прощай, 1963 год, и скатертью тебе дорога!»

Действительно, прошедший год, особенно его конец, принес немало печали американцам. Убийство президента Кеннеди потрясло всю нацию. Однако были и остаются еще и другие невеселые мотивы, которые заставили Рестона проводить так невежливо 1963 год. В своей статье он пишет, что даже официальные органы США признают, что 30 миллионов американцев испытывают нужду, что уровень безработицы в декабре был выше, чем в начале года, что число безработных негров вдвое больше числа безработных белых (каждый из пяти молодых негров не имеет работы) и что «величайшее испытание для Америки в нынешних условиях заключается отнюдь не в усовершенствовании нового оружия, а в усовершенствовании нашего общества».

В самом деле, можно перелистать год за годом подшивки американских газет, и везде в новогодних номерах вы увидите призывы «наступать на нищету», обещания «ликвидировать трущобы». Но воз и поныне там. Трущобы, как это признают сами газеты, «не хотят исчезать». И речь идет не только о Гарлеме, негритянском районе Нью-Йорка, не только о кварталах, где живут куэртиканцы или рабочие-мексиканцы. Нет, речь идет о целых «бедствующих районах». А между тем жилищное строительство сократилось за последнее время на 16 процентов.

Не удивительно, что все чаще американцы спрашивают своих государственных деятелей: не разумнее ли использовать государственный бюджет действительно для «наступления на трущобы», а не для поисков новых, еще более разрушительных средств войны?

Огромное впечатление произвели в мире работа и решения декабрьского Пленума ЦК КПСС. В тот момент, когда в США царили нервозность и паническая растерянность, вызванные преступным убийством президента Кеннеди, когда биржи Америки и Европы начали лихорадить, когда миллионы людей на Западе со страхом спрашивали себя: «Что будет дальше?», — в этот тревожный для всего мира момент из Кремля пришла весть, полная спокойствия и уверенности, весть о новой грандиозной программе развития химии в Советском Союзе.

Смотрите, еще совсем недавно всякого рода буржуазные журналисты в своих писаниях о Советском Союзе считали «шиком» издеваться над нашими старыми деревянными домами. А вот теперь журнал «Штерн», что издается в Гамбурге, пишет: «Неужели и в жилищном строительстве мы будем двигаться со скоростью поезда, в то время как русские в этой области летят на спутнике?»

Мощное развитие химической промышленности не только даст нашей стране еще больше удобрений, тканей, обуви, домов, оно покажет еще раз всему миру, что Советский Союз уверенно и решительно идет по пути мирного прогресса.

В декабре сессия Верховного Совета СССР утвердила бюджет на 1964—1965 годы. Военные расходы сокращены на 4,3 процента. И опять это не только дает возможность использовать высвободившиеся средства на мирные цели, но и показывает всему миру, что у Советского Союза слова не расходятся с делами.

Американский обозреватель Дрю Пирсон рассказывает:

«16 августа премьер-министр Хрущев сказал мне, что намерен сократить расходы на военные статьи советского бюджета вне зависимости от того, как поступят США... 16 декабря Хрущев официально объявил о сокращении советских ассигнований на вооружение... 18 декабря США и Англия заявили, что они хотели бы обсудить с русскими возможность обоюдного сокращения ассигнований на военные цели на 10 процентов. Короче говоря, кампания за достижение взаимопонимания стала разрастаться, как снежный ком».

Таким образом, одностороннее решение Советского Союза о сокращении статьи военных расходов уже начинает приносить свои плоды.

1964 год открылся новой мирной инициативой Советского Союза. Н. С. Хрущев обратился к главам правительств с предложением разработать соглашение об условиях мирного решения всех спорных территориальных вопросов между государствами. Это один из самых жгучих вопросов современности.

Горячий отклик и поддержка, которые получила новая инициатива Советского Союза у широких кругов мировой общественности, подтверждают, что народы нашей планеты ждут быстрого проведения в жизнь этой новой серьезной меры по укреплению мира и безопасности.

Мы вступили в новый год. А это год пятидесятилетия начала первой мировой войны и год двадцатипятилетия начала второй войны. Но это также год пятнадцатилетия упорной и мужественной борьбы народов за разоружение и мир.

Что происходит в мире

КОРОТКОГОМ

У НИХ ХРАНИТСЯ ОРДЕН ЗАВОДА

По традиции, установившейся на Харьковском тракторном заводе, орден Ленина, которым награждается это предприятие, передается на хранение лучшему коллективу. В последние месяцы прошлого года семилетний орден Ленина хранил у себя лучшие показатели в труде коллектива 9-го участка 5-го тракторного цеха, возглавляемый мастером Варварой Ивановой Чмиль. Не случайно, отвечая на вопрос анкеты нашей многотиражки, молодые работницы этого цеха писали: «Хотим быть похожими на Варвару Иванову Чмиль».

В. И. Чмиль (слева) с рабочими участка.
Фото Д. ШЕВЧЕНКО.

Студенты-

исследователи

141 высшее учебное заведение Российской Федерации приклало более трех тысяч студенческих научных работ на выставку, расположившуюся на территории ВДНХ в Москве.

Многие из этих работ — вполне зрелые исследования, имеющие важное значение для народного хозяйства. Среди авторов работ немало девушек. Студентки Московского архитектурного института Л. Белова и Р. Иванова прислали на выставку разработанный ими архитектурный проект сибирского города на 300 тысяч жителей. Проект, как утверждают специалисты, отличается смелостью замысла, новизной и, наверное, будет использован в строительстве новой Сибири.

Как защитить металлическую поверхность от вы-

Варвара Ивановна на заводе 32 года. Вот ее рабочая биография: подносила кирпичи, фрезерщица, руководитель комсомольско-молодежной бригады, наладчица станков, мастер.

Более миллиона машин с марки «ХТЗ» вышло за это время на поля Родины, и в каждом из них есть детали, обработанные руками Варвары Ивановны Чмиль и ее учеников.

Сейчас смена мастера Героя Социалистического Труда Варвары Ивановны Чмиль несет удачную вахту. Ее девиз: «Больше деталей и узлов для тракторов, своим трудом способствовать химизации и механизации сельского хозяйства!»

Г. МАКЕЕВА,
редактор заводской газеты

г. Харьков.

Для сельского хозяйства

В экспериментальном цехе Люберецкого завода имени Ухтомского, сверкая свежей краской, стоят новые, только что собранные образцы комбайнов для уборки сахарного тростника. Они будут отпущены нашим кубинским друзьям. Недавно эти машины успешно прошли испытания на полях Узбекистана.

Одна из создателей комбайна, Александрова Назаренко, прошла на заводе большой трудовой путь: от работницы-стерилизатора до ведущего конструктора. Ей всегда поручают разработку наиболее сложных и ответственных узлов. За участие в создании картофелеуборочного агрегата Зинаида Назаренко награждена орденом ВДНХ.

В этом году коллектив конструкторского бюро

«Черный хлеб» химии

Цех контактной серной кислоты Воскресенского химводинства имени В. В. Куйбышева — один из крупнейших в стране. Сотни тысяч тонн серной кислоты — «черного хлеба» химии — дал его коллектив в 1963 году. Качество кислоты наивысшее, а себестоимость самая низкая в стране. Кислота эта идет для производства капролактама и прочного корда. Этому цеху, одному из первых на комбинате, присвоено звание коллектива коммунистического труда.

В последние годы цех стал неузнаваем. Здесь автоматизированы все технологические процессы. Коллектив инженеров Воскресенского комбината разработал проект печи-автомата «КС» для обжига колчедана.

Почти двадцать лет работает в цехе старшая аппаратчица Раиса Васильевна Михайлова. Она пришла сюда восемнадцатилетней девушкой, после ремесленного училища, стала аппаратчицей. Промышленного учиться и окончила химико-технологический техникум. Раиса Васильевна — коммунистка, ее избирали членом цехового партбюро, депутатом Воскресенского горсовета. А в декабре она представляла многотысячный коллектив родного комбината на Пленуме ЦК КПСС.

В Москву Раиса Васильевна ехала с хорошими вестями. Говорят к Пленуму ЦК КПСС, воскресенские химики одержали большую победу. На два года раньше установленного срока они дали первую в стране партию нового удобрения — двойного суперфосфата.

Мне довелось недавно побывать на комбинате и разговаривать с Михайловой.

— Сколько времени уже прошло, как я вернулась из Москвы, — рассказывала она, — а меня все еще не покидает радостное, приподнятое настроение, родившееся в дни Пленума. И весь коллектив комбината переживает большой подъем. Мы стараемся работать лучше, чтобы быстрее выполнялась программа химизации народного хозяйства, намеченная нашей партией.

Действительно, у воскресенских химиков больше планы. Строится цех контактной серной кислоты, почти такой же мощности, как тот, в котором работает Михайлова. В цехе двойного суперфосфата заканчивается монтаж второй технологической линии. Поднимаются корпуса, где будут производиться аммиак и карбид, на очереди сооружение крупнейшего в стране цеха сложных удобрений.

Г. ЛЕЩИНСКИЙ

Новинки

Юбилея

Фабрику «Свобода» знает, наверное, каждый. Ну разве можно найти человека, который не умывался бы ее мылом «Земляничным», «Семейным», «Любимым»? В сутки фабрика выпускает 1 500 тысяч кусков туалетного мыла пятидесяти наименований.

Недавно «Свобода» исполнилось 120 лет. Какими новинками встретила фабрика праздник своего рождения? С таким вопросом мы обратились к начальнику исследовательской лаборатории Е. Кабановой и главному косметологу М. Боярской. Вот что они рассказали.

Не так давно появилось в продаже мыло «Гигиена», которое, мы уверены, захочет купить каждая женщина. «Гигиена» обладает сильными дезинфицирующими свойствами, убивает опасные микробы; руки после мытья становятся стерильными. В жаркий летний день это мыло хорошо удаляет неприятный запах пота. «Гигиена» — лучшее мыло для детских учреждений, предприятий общественного питания, клиник.

Примерно такими же достоинствами обладает и мыло «Лесное».

Еще нет названия у мыла, рецептура которого разработана фабрикой вместе с клинкой ножных болезней Второго медицинского института. Это мыло с добавленным хны будет хорошим профилактическим средством от болезни кожи головы.

Для мытья головы предназначены и различные шампуни. После химической завивки очень хорошо мыть волосы так называемыми безмыльными шампунями, первая партия которых скоро поступит в продажу.

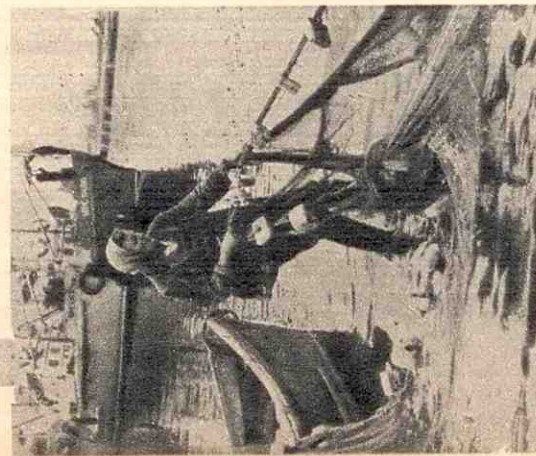
Кстати, о химической завивке. Новый состав «Локон» позволит делать такую завивку в домашних условиях.

соких температурных газовых...
ской эрозии? Эта проблема очень волнует металлургов и строителей. Ответ на него содержится в работе студента Московского химико-технологического института имени Менделеева Т. Пурусовой. Она предложила такие специальные огнеупорные покрытия для металла, при которых сталь выдерживает температуру в 1 950 градусов.

Заслуживает также внимания новый высокоэффективный метод посадки сибирского кедра, разработанный учащимися Сибирского технологического института В. Ведровой, Н. Ларионовой, Р. Фоминной под руководством доцента О. П. Олисовой.

Г. ОСИПОВ

РЫБАЧКА С ОСТРОВА КУНАШИР

На этой фотографии вы видите Фаину Александровну Аленченко, рыбачку с острова Кунашир.

Фаина Александровна рыбачит уже 27 лет. На Южные Курилы Аленченко приехала с берегов Азовского моря.

Сейчас Фаина Александровна работает в рыболовецком колхозе «Родина». Звено ее состоит из четырех человек, и все они носят одну фамилию, все из одной семьи. Старшие сыновья, Саша и Николай, вторую путину работают вместе с родителями.

Трудящиеся единодушно избрали знатную рыбачку депутатом Южного Курильского поселкового Совета. Она награждена медалью «За трудовую доблесть».

Н. ВОЯТОВИЧ,
сотрудник газеты
«На рубеже»

В таскином крае.

Фото М. ОКУШКО

«Африканская женщина»

В Дакаре (Сенегал) начал выходить новый журнал «Африканская женщина». В первом номере, посвященном участию женщин в строительстве новой Африки, напечатана статья президента Гвинеи Секу Туре.

Эжени Коттон (слева) и Н. В. Попова в Кремлевском Дворце съездов. Кадр из фильма.

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»

Эта песня была самой популярной на Всемирном конгрессе женщин, проходившем в Москве. «Пусть всегда будет солнце!» — звучало на разных языках в громадном зале Кремлевского Дворца съездов. Полубывшая песня путешествовала с делегатками, знакомившимися с жизнью, работой и бытом наших женщин в различных городах Советского Союза. Они увезли бесчисленные слова песни и собой как память о великом форуме женщин мира.

Создатели документального фильма о конгрессе так и назвали его: «Пусть всегда будет солнце!». Автор сценария — Л. Браславский, режиссер — Н. Соловьева.

О сплоченности женщин всех национальностей, самых различных политических взглядов рассказывает этот фильм, о тревоге за будущее всех детей и о готовности отстоять для них светлое будущее.

Фильм знакомит нас с лучшими дочерьми планеты, твердо заявившими на весь мир: «Если мы захотим — жизнь восторжествует!»

Скоро фильм выйдет на экраны наших кинотеатров.

Снилось мне, будто иду я к нашему заводу по новой, озелененной дорожке. А за деревьями то возникает, то исчезает чья-то фигура. Я стараюсь ее рассмотреть. А сама с графиком в руках тороплюсь, спешу на доклад к начальнику производства. Совсем так, как это было вчера. Ну понятно, что меня, инженера-куратора, такое и во сне не оставляет. И все же фигуру за деревьями я стараюсь рассмотреть: кто это? И вдруг сквозь трепещущую тополиную листву — а у нас вдоль дорожки тополя высажены — вижу Колю!

Узнаю все: даже тот самый серый свитер, в котором я его на фронт провозжала, даже свою штопку у ворота! Странно только: такая радость, а у меня слезы текут и текут по лицу... Протягиваю к нему руки, стараюсь прикоснуться к свитеру, почувствовать человеческое тепло...

Вдруг телефонный звонок, безжалостный, резкий. Это уже наяву. Первая мысль: не стряслось ли чего на заводе? Помню, в военное время меня вот так же ночью вызвали: от фугаски на заводском складе вспыхнул пожар. Тогда нам, «бабочкам», как называл нас старичок из проходной, и пожарными случалось бывать.

Схватила трубку и слышу мужской голос:

— Ольга Ивановна, простите, что потревожил, но дело в том, что Зина...

Это — имя моей подруги детских лет, вместе за партией сидели. А говорил ее муж, Евгений Владимирович.

— Что Зина? — пугаюсь я.

— Плохо ей, очень плохо...

— Заболела?

Молчание. Потом:

— Нет, хуже...

— Как же это? Ведь два дня тому назад я ее в кино встретила...

Я привыкла, что люди в трудную минуту обращаются ко мне. Видно, считают, что я сильнее, чем на самом деле. Вот и сейчас, несмотря на ночь, помчусь к Клевцовым.

Открыл дверь Евгений Владимирович. В обычное время он, известный архитектор, можно сказать, щеголь, а сейчас... Руки дрожат, халат распахнут.

— Что с Зиной?

— Ужасно...

— Что с ней, Евгений Владимирович? — спросила я уже резко.

— От вас, Ольга, не хочу скрывать: она отравилась.

— Что?!

— Да, хотела лишиться себя жизни. Сверхдоза веронала...

Хорошо еще, что я сегодня пораньше пришел... Сразу же заметил на столе записку. А главное — тишина стояла в доме такая... Не знаю, как и назвать... особенная, что ли. Понимаете, Ольга, особенная!

Он прямо ухватился за это слово и говорил, точно в бреду: — Окликнул Зину раз, другой... Тормозить начал — молчит... Тут кинулся я, как сумасшедший, к телефону. Примчалась «Скорая помощь». Сделали промывание желудка, камфару впрыснули...

— И что же?

— Спасли...

Все еще не веря услышанному, я невольно осматриваюсь. В квартире, как всегда, уютно, чисто, сверкает паркет. Только в воздухе чувствуется запах камфары.

Из-за двери до нас доносится не то приглушенный стон, не то хриплый вздох.

— Можно к ней? — спрашиваю я тихо.

Красивое, сейчас слегка осунувшееся лицо Евгения Владимировича светлеет.

— Обязательно, Ольга! Обязательно! Вы так умеете действовать на людей! Но только, — Евгений Владимирович пугливо оглядывается на дверь, — помните: официальная версия — случайно, по ошибке, была принята слишком большая доза снотворного. Не думайте, что трушу! Нет, это из-за нее... Чтобы ей было легче... Неудавшееся самоубийство — что может быть глупее!

Я вижу, что он немножко успокоился, даже готов пофилософствовать: такая склонность у него всегда была. По-новому всматриваюсь в его бледное лицо.

— Оля! — вдруг явственно слышу я из-за двери.

— Идите! — шепчет Клевцов. — Зина все время требовала вас.

В комнате полутемно. И полный беспорядок: таз на полу, по стульям разбросаны полотенца и мокрые тряпки. Камфарой пахнет резче. На абажур настольной лампы брошено что-то темное, платок, что ли. И лицо Зины едва различимо на подушке. Как непохожа она сейчас на ту пухленькую, румяную девочку, с которой мы сидели за одной партией и все собирались на подводной лодке искать драгоценности с затонувших кораблей! Начитались Жюль Верна...

Особенно поразили меня ее волосы: видно, развились и, словно перышки, жалко торчали в разные стороны. Может, из-за этих перышек я назвала ее не по имени, а давним, еще школьным прозвищем «Перепелочка».

Так позднее называл ее и муж, и это шло к ее облику — небольшой, полненькой, «уютной» женщины.

— Хорошо, что приехала, — услышала я в ответ. — Сядь сюда... Дай руку.

Я осторожно опустилась на край кровати и молча взяла ее холодную руку, не осмеливаясь задать самый важный вопрос: почему? Да, почему, почему эта все еще привлекающая и, как мне всегда казалось, любимая женщина решилась на...

— Оля, сними платок, — кивнула Перепелочка на лампу.

— Зачем?

— Я хочу тебя видеть.

Когда я сняла платок, Перепелочка прямо загляделась на меня.

— А ты такая же, — наконец тихо сказала она.

— Какая такая?

— Такая, как надо... — И я заметила, что по бледным ее губам скользнуло нечто схожее с улыбкой.

— Да и ты такая же, — смело солгала я. — Вот приведешь волосенки в порядок и снова...

— Что снова? — вдруг неожиданно сурово, в упор спросила Перепелочка.

Я смешалась. Верно, что же «снова»? «Снова похорошеешь» прозвучало бы совсем глупо.

— Снова пойдешь в кино, — отшутилась я.

— А если я не хочу всего этого «снова»? — все в том же необычном для нее тоне спросила Зина.

Тут меня охватило педагогическое рвение.

— Как это «не хочу»?! На грешной нашей земле немало хорошего. И люди, и природа, и искусство.

Зина все так же в упор смотрела на меня.

— И... и... любовь, наконец.

— Да, это, конечно, хорошо. Только у меня ее нет, — ответила она.

Я ничего не понимала. Вот и сейчас за стеной слышно нервное, взволнованное вышагивание. Хотела бы я, чтобы из-за меня кто-нибудь так вышагивал! Коля... Он бы, конечно... Но его нет и никогда не будет. Разве что во сне... Но Зина, но Перепелочка!.. Ведь ее семейная жизнь казалась такой счастливой! И муж в войну уцелел. Стыдно сказать, но порой, особенно когда случались неприятности по работе или повздорю с дочкой, я Зине даже немножко завидовала. По-хорошему, конечно, и вот...

Я украдкой смотрю на отекавшее, желтое лицо.

В комнату тихо входит и садится в кресло медсестра, как видно, вызванная Евгением Владимировичем на дежурство. Это кстати, ведь работа у меня, как всегда, с семи утра, а за окнами уже заметно посветлело и на подоконнике по-весеннему зачирикал воробушек.

— Приходи, — еле шевелятся бледные губы.

— Не оставляйте ее... — слышу я на прощание умоляющий шепот Евгения Владимировича. — Прошу вас, Ольга!

Днем меня захлестнули обычные дела: мы с начальником производства устанавливали, почему вчера почти час простоял сборочный конвейер. Как обычно бывает, старший мастер ссылался на механический цех: мол, недодали деталей. А в механическом, в свою очередь, ссылались на то, что литейка подвела.

Не буду подробно говорить о том, чем заполнен каждый мой рабочий день. Хорошо одно: не прошляпила, в конце

Валерия ГЕРАСИМОВА

РАССКАЗ

ЗАДЕКОР

концов добралась до истинной причины простоя. Приняли срочные меры. Помогло. А вечером в нашем клубе принимали гостей из Польши — наших коллег, тоже с электромеханического завода.

Наши изолировщицы поднесли делегации розы из тончайших стружек металла, а меня уговорили выступить от женщин-инженеров. По правде сказать, выступать я не очень-то люблю, но отказаться было неудобно. И все же что бы я ни делала в этот день, о чем бы ни думала, занозой сидела во мне вся эта история с Перепелочкой. Но выбраться к Клевцовым до конца недели я так и не сумела. В воскресенье помчалась.

На этот раз Зина не лежала, а неподвижно сидела у окна... Я ее, признаться, не сразу узнала: в несвежей пижаме, с заметно проступившей седinouй у корней волос. Да и вся квартира выглядела непоправимо постаревшей. Полы — а это некогда было ее гордостью — и те потеряли свой удивительный блеск. Особенно же поразили меня не убранные со стола грязные тарелки.

— А, Оля, — каким-то мертвым голосом сказала хозяйка. — Садись.

Не знаю, о чем мы беседовали в первые минуты, о погоде, кажется...

— Зина, — наконец начала я крадчиво — прости, что вмешиваюсь, но давай пойдем пройдемся... Смотри, ведь солнышко! Совсем весна. Только ты оденься, причешись.

— Зачем? — все так же безучастно спросила она.

И тогда-то я решила во что бы то ни стало вывести ее из этого странного духовного омертвения.

— Мочалка у тебя, надеюсь, есть? — деловито осведомилась я. — Давай возьмемся-ка вместе за эти тарелки!

— Как хочешь, — по-прежнему не шевельнувшись, ответила она.

Тут я вскипела:

— Черт возьми, не я хочу, а жизнь требует! Или ты собираешься торчать в этой грязи и постепенно превращаться в развалину? Я уж не говорю о твоём идиотском поступке. Да, да, чем бы это ни было вызвано, он идиотский!

— Почему? — грустно усмехнулась она.

— Да потому, что ты думала только о себе... Прости меня, но в тебе всегда был эгоцентризм. Особенно после замужества. Не подумала, что ты не одна на свете, что ты нужна...

— Кому? — спокойно спросила Зина.

И тут произошло странное: вся жизнь школьной моей подруги пронеслась передо мной. Очень хорошенькая, она имела у мальчишек «бешеный успех», как мы тогда выражались, и, едва окончив школу, сразу же вышла замуж. Ей повезло: муж был так же, как она, привлекателен, даже красив, а позднее имя талантливого архитектора Клевцова стало широко известно. Во время войны он был в какой-то прифронтовой инженерно-строительной части, а она находилась в далекой эвакуации.

Детей они, по обоюдной договоренности, иметь не захотели. Однажды Зина во время одной из наших не очень частых встреч призналась, что материнство отвлекло бы ее от Жени, от служения ему.

А она действительно преданно служила. Навсегда мне запомнилось, как перед его приходом с работы она, вооружившись мягкой щеткой, поддерживала блеск паркета или проглаживала пижаму мужа... Нет, она совсем не бездельничала! В сущности, она была его секретарем: вела всю деловую переписку, раздобывала самые редкие книги по его специальности и, если было нужно, делала из них выписки, а когда в прессе речь заходила о талантливом архитекторе Клевцове, наклеивала в особый альбом вырезки.

А забота о внешности? Я-то ведь знаю, что по своей натуре милая Перепелочка совсем не стремилась в ряды так называемых «вамп». Но уж очень ей хотелось и тут быть «на уровне Жени», как она выражалась. Отсюда постоянная гонка по коммиссионным, сложные кремы и лосьоны, модная окраска волос под бронзу у какого-то чародея «бывшего Жоржа».

Склонная к полноте, она отказывала себе во всем... Даже чай пила без сахара и признавала только хрустящие хлеб-

цы. Читала она мало, да, по правде сказать, и времени на это почти не оставалось. Но однажды не без удивления я заметила у нее книжицу «Острые слова и популярные афоризмы». Как видно, тоже чтобы не отставать «от уровня».

Сознаюсь честно, я не стремилась в их дом: уж очень моя жизнь была иной. И все же по воспоминаниям детства и ранней юности Перепелочка не была для меня совсем чужим человеком. Только наши разговоры с годами свелись к бесконечным «а помнишь?». Постепенно даже школьные воспоминания для нас потеряли прелесть. Еще меньше увлекали меня ее вечные разговоры о Жене. Мы не виделись месяцами. И если бы не ночной звонок...

А сейчас меня ждал ее горький вопрос.

Но она предвосхитила мой ответ. Ведь, несмотря на узость своего мирка, глупой Перепелочка никогда не была. Мне почти всегда казалось, что она способна на что-то настоящее, несравненно большее, чем всепоглощающее обслуживание Жени.

— И ему я тоже не нужна, — все с тем же поразительным спокойствием отчетливо произнесла Зина.

Я не буду пересказывать всю ее исповедь. Важно одно: Перепелочка безжалостной рукой одну за другой срывала декорации с собственной жизни.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО

АЩЕИ

Его цветы? Он и сейчас в день ее рождения преподносит их — принципиально, как сам говорит. Так же принципиально иногда показывается с ней на людях, в театре, например. В антрактах они проходятся под руку, как нежная пара.

Все это ложь. Она устала поддерживать ее. Уже давным-давно они совершенно чужие люди. А в ту страшную ночь она узнала, что появилась другая. Прислали анонимку. Да она и сама догадывалась. Это его коллега — вместе работают над проектом. Красивая? Нет, не особенно. Но разве это решает? Кажется, ожидается ребенок.

— И тогда... ты? — спросила я.

— Да, тогда, — просто ответила Перепелочка.

Мысли каруселью проносились в моей голове. Одно я твердо знала: этой поникшей женщине надо помочь! Декорации упали, но что же дальше?

Я горячо заговорила, что в сорок лет еще не поздно найти собственную дорогу, раскрыть свои способности. Ведь у нее когда-то был прекрасный голос, помнится, она даже выступала по радио.

— Да, был. А осталось у меня только одно: Евгений Владимирович! — горько усмехнулась Зина. — Моя профессия — Клевцов.

— Кстати, где он?

— Не знаю. У нас договоренность: я не должна ни о чем его спрашивать.

Я задумалась. Передо мной проходили картины собственной жизни. Какую радость доставляло мне и Коле все знать друг о друге! И с каждым годом мы становились все ближе и ближе...

— Да, так жить невозможно! — вырвалось у меня.

— Тебе легко говорить. Такие, как ты... железобетонные, — с ласковой иронией сказала Зина.

Не впервые я слышала о каких-то, почти сверхъестественных моих качествах. Знала бы она, как ревела я после того сна, или что и у нас с Колей не обходилось без ревности!

Не было в наших отношениях только одного: лжи. И еще: я всегда стояла на собственных ногах. Такое же отношение к жизни прививала с детства и Кате. Не стала ее, молодого врача, стажера, удерживать от отъезда на Камчатку. Не оговорила даже срок ее возвращения. Пусть учится работать и жить! И вот осталась совсем одна.

Зина будто угадала мои мысли.

— Скажи, а тот, мытищинский, к тебе ходит?

— Нет, — кратко ответила я.

Да и как рассказать, что чужой по духу человек не мог стать мне близким? А ведь научный работник из Мытищ хаживал ко мне с «серьезными намерениями».

Конечно, второго Колю мне не встретить. Люди не повторяются... Но, может быть, где-нибудь на свете и живет близкий мне по духу человек. Надежда... Она, видно, никогда не умирает!

Перепелочка догадалась, что коснулась больного места. Холодной рукой провела по моей щеке.

— Знаешь, Оля, а ты все еще красивая!

— Просто не распускаюсь. Вот и ты подтянись, еще как заблещешь!

— Нет, теперь уже не заблещу. Незачем, а главное... не для кого...

И снова я увидела, что она в плену своих невеселых мыслей. Тут я отважилась на страшный вопрос:

— Так ты уверена, что он оставит тебя?

— Скорее всего да.

Теперь я провела ладонью по растрепанным волосам.

Вдруг в поблекших глазах Зины сверкнула острая, почти юмористическая искорка.

— Хотя, знаешь, едва ли он найдет что-нибудь.. удобнее... С постоянным и бесплатным домашним секретарем, с умелой, изучившей все его вкусы прислугой и, наконец, с правом на неограниченную свободу. Ты меня понимаешь?

Трагедия оборачивалась фарсом.

Я заторопилась, да и надо было засесть за письмо Кате. Кстати, дошить блузочку, которую я собиралась отослать ей ко дню рождения.

Уходя, точно мертвую, я поцеловала Перепелочку в лоб.

А у подъезда лицом к лицу столкнулась с ее мужем. Он, как всегда, был элегантен, представительен. Только как будто больше седина поблескивало в модной его бородке. Но даже это к нему шло.

Увидев меня, Клевцов обрадовался.

— Товарищ Миронова... Ольга, вот хорошо-то! А я, признаться, снова собирался вам звонить... Давайте присядем хотя бы на скамеечку!

Мы сели.

— Ваша энергия, ваш разум... Надо вывести Зину из ее состояния. С тех пор, как... ну, в общем, понимаете, она буквально не ест, не пьет и, простите за откровенность... не умывается! Все пошло прахом. Не дом, а склеп. А я все-таки живой человек! И что вам, Ольга Ивановна, должно быть особенно близко — работающий человек! Сегодня сорвался, буквально сорвался мой доклад в Госстрое. Не захватил кое-чего из документации. А попробуй найти, когда в доме такой ералаш! Я уже не говорю обо всем остальном: сижку на бутербродах! Совсем по-студенчески!

Евгений Владимирович безнадежно махнул рукой.

— Так зайдете еще, Ольга Ивановна? Повлияете?

Его серые, выразительные глаза почти умоляюще ловили мой взгляд.

Возможно, он показался ему чуть насмешливым: Клевцов умолк и, видимо, чтобы успокоиться, закурил.

— Конечно, все это мелочи. Вероятно, вам известно уже многое. Не буду оправдываться. Винават, да, винават! Но все же не считайте меня пошляком. Поверьте, не поиски сомнительных развлечений заставили меня... Поймите, нелегко жить с человеком, пусть даже с любимым, который из года в год умственно деградирует!

И мне вспомнился затрепанный, очевидно, побывавший не в одних руках томик «Острые слова и афоризмы».

— Так вы придете?

— Постараюсь.

И действительно, через некоторое время я еще раз зашла в этот дом.

Зашла и изумилась. Знакомая квартира не только приобрела прежний, блистательный вид, но и преобразилась. Согласно современной моде, мебель почти отсутствовала, зато стены были окрашены в два цвета: голубоватый и серебристый. Это было оригинально и, пожалуй, красиво.

Хозяйка дома, как видно, сделала над собой невероятные усилия, снова казалась эффектной, волосы снова были «под бронзу».

Супруги собирались на концерт.

Я хотела сказать Клевцову: «Вот видите, все обошлось без моей помощи!» — но не сказала. Надо полагать, что теперь он питался отлично. И все же на лице его уже ясно проступили черты преждевременной старости и какого-то горького, затаенного смирения. Я не оправдываю его, но, видно, и он чувствовал себя несчастливим.

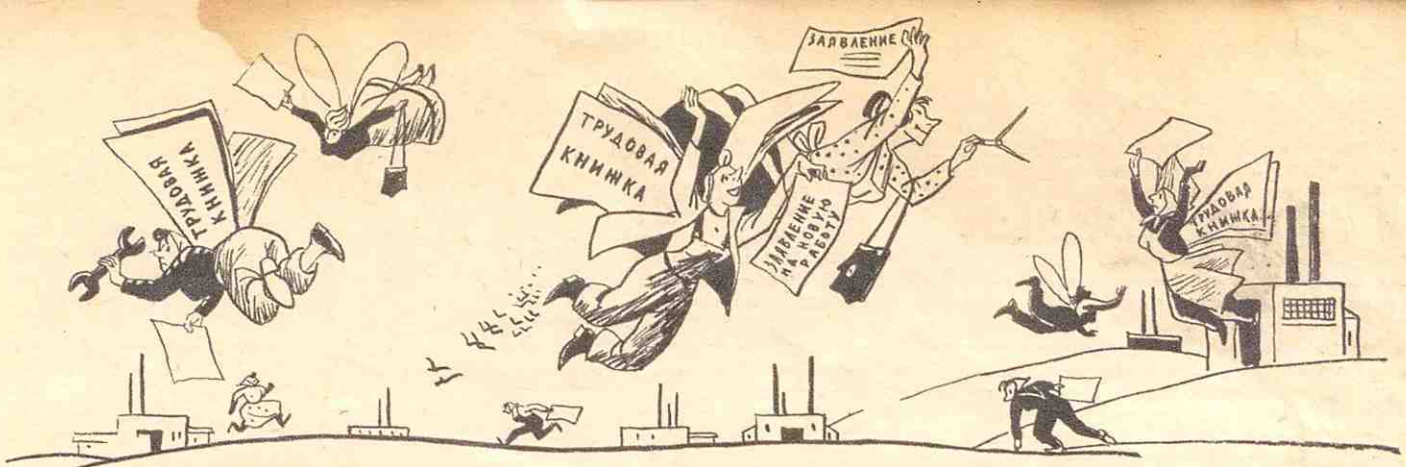
Внезапно эти хорошо одетые и хорошо обставленные люди показались мне скованными одной цепью, каторжниками... До концерта было еще часа полтора, но я заторопилась.

— Куда же вы, Ольга Ивановна! — заволновался муж.

— Оленька, а чай? — воскликнула жена.

Как видно, они не очень любили оставаться с глазу на глаз. Я молча протянула руку, твердо зная, что навсегда покидаю эти стены.

Не люблю декораций.

"ВРЕМЕННЫЕ"

Элла ЧЕРЕПАХОВА

— Вот так вот! — сказал Федя Воронок, протягивая мне на прощание широкую, хваткую руку. — Вот так вот и получилось, товарищ корреспондент: вы Груню с фабрики нашей в прошлом году под передовую расписали, а она в этом году в Тбилиси из Калуги сбежала... Поступила в артель и делает там лаковые тапочки... А специальность, между прочим, у нее — токарь пятого разряда.

— Да ведь она у вас на заводе показала себя вроде с хорошей стороны, — убито сказала я. — Нормы перевыполняла, премии ей шли...

— Ну, шли, — пренебрежительно согласился Воронок. — Только ей мало этого показалось. Да что говорить, транзитница! Вся Россия сквозь проехала! А теперь вот выбыла за пределы... Там, значит, рубль подлиннее будет. Заявление подала — и через две недели все!.. Воронок тяжело вздохнул.

— Да, есть еще такие, скажут с места на место. Помните, еще Пушкин осудил? Весьма мучительное свойство, говорит, охота к перемене рабочих мест...

— Там «рабочих» нет, Воронок.

— Да, это он верно сказал: «мучительное», — пропустив мимо ушей мое замечание, продолжал Федя. — Для производства — мучение, и у самих — жизнь без толку...

Он ушел, подняв воротник короткого пальто, плотный, увалистый калужанин, а я вытащила записную книжку с карандашом и через всю страницу записала длинное слово: «транзитницы» — слово, в котором таится тревожное предчувствие бесполой суеи и постоянных перемен...

Вскоре дела занесли меня в «музыкальную шкатулку» — так калужане ласково называют «Аккорд», большой город музыкальных мастеров, создающих из кожи, дерева, металла обыкновенные чудеса. Проходит год, и возникает семь тысяч чудес под названием «пианино», сорок семь тысяч — под названием «аккордеон».

В ободенный перерыв, когда в пианноборочном цехе смолкли звуки настройки, звонки над конвейером и другие рабочие шумы, в притихшем цехе вдруг затеплился родничок чистой, лег-

кой мелодии. Я узнала Моцарта, «Фантазию ре-минор». Сделав несколько поворотов по пианинным переулкам, я увидела «солистку».

Светлая толстая коса ее лежала тугими медными звеньями на серой рабочей кофточке. Пальцы с короткими прямыми ногтями, натруженные работой и все-таки быстрые, гибкие, легко и вместе с тем сильно ложились на клавиши. Это была монтажница Ира Жилинская. Она уже успела пообедать и теперь отдыхала, «беседуя с Моцартом». Две-три подруги стояли рядом и завороченно слушали.

Позже я убедилась, что на «Аккорде» вообще любят музыку. Здесь многие оканчивают музыкальные школы, училища, играют в фабричном струнном оркестре. Новоприбывшего в пианноборочный ошарашивают сначала высоконучные термины вроде «ускорение реолаксации», «температура», «цвикошка». Да что говорить, если настройки стоят у своих рабочих мест с камертоном в руках!.. Незнание нот считается непристительным проявлением невежества. В цехах висят сообщения о концертах...

И видится прямая связь между горячей любовью к прекрасному человеческому искусству — музыке — и желанием работниц сделать так, чтобы люди могли прийти в магазин и свободно выбрать хорошее пианино или отличный аккордеон.

На «Аккорде» очень переживают, что в московском ГУМе, например, пока громадная очередь за пианино. Им бы хотелось дать поскорей побольше инструментов. И все-таки, несмотря на это желание, «Аккорд» не всегда одолевает плановые задания. Не получается!..

Почему?

Этот вопрос я задавала в партбюро, в отделе кадров, в цехах. И почти все даваемые с жаром объяснения различных причин включали горькие слова о «временных людях», «транзитниках» на производстве, о летунах, с которыми до сих пор немало хлопот.

Я делала записки по самой свежей статистике. В октябре 1963 года, например, 29 аккордовцев перестали быть аккордовцами. «Технология» — простая: подал заявление, взял трудовую книжку, ска-

зал «не поминайте лихом» и нырнул, «где поглубже»...

Но как же «не помянуть лихом»?!

Даже самая простая специальность на «Аккорде», если ты новичок, требует 2—3 месяцев терпеливого обучения. И во все эти 60—100 дней ошибок, срывов, брака начинающий «неумеха» получает в трудовом университете, так сказать, стипендию в 35—40 рублей в месяц, да 6—8 рублей получает мастер-учитель. А ведь на «Аккорде» есть специальности, которыми меньше чем за 6—9 месяцев не овладеешь. Такого «спеца» выплавляют из неумелого новичка, обстругивают, полируют... К нему привыкают, черт возьми! В нем любят, так сказать, собственное творчество, в нем бескорыстно сеют зерна той любви к делу, которая должна со временем превратить ремесло в искусство.

И вдруг — заявление.

Итак, в октябре с «Аккорда» уволились 29:

наклейщица Г. Жукова — ее учили четыре месяца;

станочница М. Дергачева — три месяца;

В. Анфиногенову обучили двум специальностям: грунтовщицы и оклейщицы, — учили более полугода...

Длинный список. Едва-едва получив право на звание специалиста, едва-едва набрав силу, чтоб одолеть дневную норму, они ушли. Причем те, что ушли с «Аккорда», не просто покинули фабрику. Они сменили профессию, потому что фабрик, подобных «Аккорду», в городе больше нет. Сменили профессию...

Легко сказать! Точнее, забыли свою профессию, отказались от нее. Как и не было... Пропали усилия, деньги, время, отданные им людьми от имени государства. Ничего, государство доброе, свое, сочтемся, мол!..

Потом в дверь отдела кадров войдет еще один новичок, и вновь начнет совершать обороты рабочего колеса, и люди, стараясь не думать, что и новый оборот может оказаться холостым, вновь станут выплавлять, обстругивать, полировать...

В ответственное учреждение пойдет отчет, в котором будут написаны горькие строчки: опять столько-то рабочих

не справились с нормой выработки, да и с планом по производительности труда туговато.

«Транзитницы» же спокойно берут в отделе кадров затрепанные, выдавшие виды трудовые книжки в круглых печатках самых разнообразных учреждений, организаций, предприятий. У них своя арифметика.

Тамара Иванова из заготовительного цеха, скажем для примера, видно, хорошею прокатиться по жизни таким колбаском. Была мотористкой — разнорабочей, выучили на льнокомбинате цевочницей — надоело. Попробовала поработать на «Гиганте» — и там не задержалась; начав с подвозчицы соломы, добралась до станочницы 4-го разряда, и... занесло ее вдруг на завод, где ей захотелось стать монтажницей-вакуумщицей. Она ею стала, но как только обучение закончилось, уволилась по собственному желанию. Все премудрости нового дела остались позади.

Но, как это всегда бывает, мечась в поисках «золотого» места, такие люди пробегают мимо. Мимо, мимо, мимо жизни! Они не успевают порой даже толком узнать имен подруг по работе, запомнить адрес завода или строительства, где помельтешили несколько месяцев, много — год... Та же Тамара Иванова, уйдя в очередной раз с работы, объявилась на новом предприятии. Естественно, ее трудовая книжка не вызвала в отделе кадров энтузиазма. И пошла Тамара Иванова, специалистка с кучей профессий, на должность... уборщицы.

Рита Воробьева, окончившая восемь классов и даже два курса техникума, прибыла на «Аккорд» после долгого путешествия из 32-го магазина в 60-й, из 60-го — в 45-й, из 45-го — в 27-й. Были испробованы профессии кондуктора троллейбуса, работника обувной базы. В этом путешествии заняла какое-то место и краткая отлучка на целину. А Рите всего двадцать два.

Какой недобрый ветер срывает этих женщин с одного места, гонит в другое, как перекати-поле, не давая нигде пустить корни привязанности, уважения к делу своей жизни, окружающим людям?

Я спрашиваю об этом у одной такой «транзитницы», увидев в руках ее очередное заявление. Она сердито сверкает на меня глазами.

— А что? Я по закону действую! Имею право! И вы мне не запретите... Мне тут не подходит — и все! У нас мастер, кому

хочет, хорошую работу дает, кому не хочет — плохую...

— А вы пробовали бороться, говорили об этом кому-нибудь?

— А зачем мне связываться! Все равно я здесь временная была...

С самого начала «временная». И, значит, ко всему безразличие, и, значит, ничто не дорого, кроме цифры в выплатной ведомости. И один ответ: «Я свои права знаю!» Что ж, знать свои права хорошо. А обязанности? Ведь обязанности человека перед обществом — это не только то, что очерчено кругом законов, правил, инструкций. Есть прекрасный синоним этого слова — «долг».

Нам предстоит всю жизнь возвращать народу то, что мы получили из его щедрой руки, пока росли, учились, становились на ноги. Мы не можем не вернуть этого долга. Если только не дремлет в нас сердце, не спит совесть, не точит душу червячок стяжательства, охота за копеечным выигрышем.

— И все-таки запишите себе для памяти, — сказал мне на прощание секретарь партбюро тов. Белов. — Ищем способ, как сделать «кочевниц» оседлыми... Кое-что, кажется, нашли... Про отделение Яковлевой информации имеете?

Информацию я имела. В аккордеонсборочном цехе перед «текушкой» поставили плотину. Родился «совет семи»: мастер Г. Яковлева, оклейщица Р. Осипенкова, Н. Егорова, Г. Родионова, Т. Ларина, Н. Терехова, столяр-сборщик А. Мамоченко — общественный отдел кадров.

Вот задумала было оставить работу в аккордеонсборочном цехе Надя Ливинская. Ей пришлось принести свое заявление прежде всего в совет. Совет семи — лютой враг бюрократизма. Собрались на совещание сейчас же. Задали всего лишь один вопрос:

— Почему ты собираешься это сделать, Надя?

Надя, молодая мать, волнуясь, стала объяснять, что работает в одной смене с мужем и ей не с кем оставить ребенка. Совет совещался недолго. Надю спросили, какое время ей кажется самым удобным для работы. Она ответила:

— Вот если бы начинать работу с двенадцати!

— Ладно, — решил совет, — сделаем.

И Надю перевели на особый распорядок дня, пока не уладилась ее домашние дела.

Другой работнице, Александре Л., на совете объясняться было трудно. Она говорила намеками, полужазами. Что, мол, в других местах люди зарабатывают как люди, а здесь — слезы одни... Да и сама работа — зачистка корпуса аккордеона под оклейку — Александре «не показалась». Вот и решила попробовать счастья в других местах.

— Хочешь получить другую специальность? Посложней и чтоб побольше зарабатывать? Учись здесь. Сами научим. Хочешь встать на оклейку целлулоидом грифа аккордеона?

Александра подумала и согласилась. Да, здесь даже самым упорным «транзитницам» нелегко бросить на стол заявление: ведь между отделом кадров и тобой строгие, пристальные, вопрошающие глаза товарищей. Да, совет семи старается помочь людям сохранить рабочую семью, втолковать, что «транзитники» сами уготовливают себе невеселую судьбу: без друзей, без твердой жизненной опоры, без атмосферы тепла и сердечности, которая согревает «своих» кадровых, взрослых в коллектив фабрики, завода, учреждения.

Но если терпеливые разговоры, убеждения и попытки помочь все-таки разбиваются об упорство «временных», совет не дает им, как говорится, потачки. Вслед «транзитнику» уйдет письмо — характеристика совета: берегитесь, летун!

«Транзитники», «временные люди» — обидные слова, согласны. К женщине, которая, скажем, обременена большой семьей и вынуждена иногда из-за этого менять место работы, их никак не применишь. Жизнь — штука сложная, бывает, в чем-то и не устроенная. И с ярлыками надо поосторожней. Но мы-то ведем речь о тех, у кого нет более серьезных причин для «перелетов», чем надежда: а может, на новом месте еще лучше, может, там платят больше, а работы спрашивают меньше?

...Я иду по улице Трудящихся женщин и думаю про калужскую «музыкальную шкатулку». Это улица имени фабричной коммунистки Майи Борисовой, вожака бригады настройщиков, мастера своего дела Яковлевой, это улица талантливой настройщицы Надежды Контос и неопеченной грунтовощицы Полины Свириной... Это их улица — работниц Иры Жилинской и Гали Кушнир...

Это улица, это город, это страна тех, кто держит на своих плечах жизнь.

Бытовые новинки

МАЛЫШАМ

Новый детский подвесной стульчик, наверное, понравится многим мамам и бабушкам, которым зачастую бывает трудно накормить непоседливого ребенка. Стульчик вместе с маленьким столиком навешивается на спинку большого стула. Он складывается, занимает мало места. Сиденье и спинка обтянуты поливинилхлоридной пленкой, а каркас из металлических трубок выкрашен эмалью яркого цвета.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАСТЕР

Любителей домашнего консервирования очень много. Специальная машинка, которую недавно начал выпускать завод «Гидропривод» Харьковского совнархоза, будет им настоящим помощником. Она не только закатывает банки, но и выпрямляет старые крышки.

СУМКИ НА КОЛЕСАХ

Самые разнообразные продукты весом до 40 килограммов легко перевозить (именно перевозить, а не переносить) в сумке, которую начинают выпускать предприятия Мосгорсовнархоза. Такая сумка подвешивается на небольшую тележку с ручками и колесиками. Благодаря специальной ножке

тележку можно поставить вертикально. Вместе с сумкой она весит всего 2,5 килограмма.

Для кухни

Новые кастрюли рижского завода «Дарба спарс» украсят любую кухню: у них красивая и удобная форма, яркие расцветки.

Понравятся домашним хозяйкам фигурные ножи для овощей, которые изготавливает ленинградский завод «Металлист». Таким ножом можно быстро и красиво нарезать овощи для салата, гарнира.

Удобна и другая ленинградская новинка — небольшая машинка для заточки ножей. С ее помощью нож можно заточить за две минуты.

К 100-летию со дня рождения А. С. Голубкиной

А. С. Голубкина.

гих новинок видят «Старость» — скульптуру Анны Семеновны Голубкиной.

— Школа Родена... — небрежно замечали некоторые.

Однако серьезные ценители искусства задерживались возле этой работы. Роден? Разумеется, тема и натура те же, что и у Родена. Но ведь дело не в «натуре», важно, что в ней сумел разглядеть художник. Здесь же, кроме мастерства, несомненно, ощущается своя индивидуальность, свой взгляд, пристальный и зоркий.

Русская женщина-скульптор была замечена. О Голубкиной заговорили.

...Теперь, когда с того времени прошли десятки лет, кажется странным, что кто-то мог не замечать глубокого, коренного различия между «Красавицей Д'Ониер» (она же «Пре-

Мы многого не поймем в творчестве Голубкиной, если не будем знать о тихом Зарайске, о большой, дружной, трудовой семье, которую она так любила...

Отец умер рано. Главными в семье были мать, женщина большой нравственной силы и природного ума, старшая сестра и дед, бывший крепостной князей Голицыных. Все они в разной мере оказали влияние на будущего художника.

Дед — это раннее детство, это сказки, он знал их множество. Сказки учили удивляться природе, а без этого удивления нет художника.

Не они ли, дедовы, народные сказки, помогли художнику Голубкиной ввести в скульптуру то, что как будто неподвластно этому искусству, — пейзаж? Родную природу, которую Левитан и Серов воспевали на полотне, она воссоздавала в глине и дереве. При этом

КТО СЛУШАЕТ КАМНИ

Ю. НОВИКОВА

Слух об этом волновал всех учеников скульптора Родена... Как?! Одна из учениц, какая-то русская, рискует лепить ту самую старуху, которая послужила учителю моделью для его нашумевшей работы! Мыслимое ли дело состязаться с великим Роденом? Что это? Самомнение? Легкомыслие?

Но те, кто видел эту нелюбимую русскую, придерживались особого мнения. Высокая, очень высокая, красивая, строгое лицо, горящие глаза — в ее облике есть что-то от сивиллы, древней пророчицы. Нет, всякое легкомыслие исключено. Самомнение? Трудно сказать. Держится она скромно, скорей даже застенчива. Как ее зовут? Ах да, Голубкина, Анна Голубкина.

Знали бы те, кто подозревал Голубкину в излишнем самомнении, какие трудные минуты случалось переживать ей здесь, в Париже... Она не девочка и никак не начинающая. Позади Московское училище ваяния, пребывание, недол-

гое, правда, в Петербургской академии художеств, годы наблюдений, нелегкая жизнь, несколько самостоятельных работ... Иные люди в России говорили о них лестные слова. И все же временами на нее нападало такое отчаяние, такое неверие в себя, что руки опускаются...

В такие минуты единственная поддержка — письма матери из родного Зарайска.

Просто диву даешься, читая сейчас эти письма. Как тонко понимала творческие сомнения своей дочери еле грамотная женщина, «огородница», какие нужные слова умела она находить!

«Ты засмотрелась на свои фигуры и устала, — пишет мать своей Анюте, приунывшей после какого-то замечания Родена. — Ни один Роден не может сказать, что не так да не так...» Верить себе и своей совести, быть «храброй на своем трудном пути» желает она дочери.

Призвав на помощь всю свою «храбрость», Голубкина заканчивает свой труд. В 1898 году в «Осеннем салоне» парижане среди дру-

гос красная оружейница) Родена и работой Голубкиной.

«Вот во что превратили твою красоту беспощадные годы!» — как бы обращается к бывшей красавице Роден, мастерски воспроизводя ее старческое лицо и тело во всей их неприглядности. В острой, смелой вещи французского скульптора все — горькая насмешка, все — ирония...

Голубкина тоже не пытается скрыть ущерб, который причиняет женщине старость. Правдиво, без прикрас лепит она свою старуху. Но этот реалистический портрет смягчен пониманием старости, иным, чем у Родена.

О горестной беспомощности, об одиночестве говорит поза и выражение лица старой женщины. Перед нами несчастный человек. И, сама до боли сочувствуя ему, Голубкина вызывает сострадание и у нас, трогая сердце так, как умеют трогать, пожалуй, только русские художники.

Истоки творчества Анны Семеновны Голубкиной никак не во Франции. Корни ее искусства дома, в России, в русской природе, в судьбах русских людей, в русской революции.

она населила болота, кочки, туманы «живыми» сказочными существами...

Это не было мистикой, Голубкина не признавала мистики в искусстве... Еще из Петербурга писала она родным о своих несогласиях с профессором Беклемишевым: «...Знаете, он по своим работам — мистик, а я ни одной такой ноты не найду в себе». Так оно и было. «Болото», «Ночка» и другие скульптурные пейзажи Голубкиной — чистая поэзия, притом поэзия народная. Лучший образец ее — «Березка». Эту трепетную девушку-березку, воплощение юности и русской природы, можно увидеть в Москве в Третьяковской галерее.

Однако неправ будет тот, кто сочтет Анну Голубкину только тонким лириком. Так же, как в ней самой рядом с мягкостью уживались суровость и мужественная сила, так и в лирическом ее творчестве звучали ноты протеста, гнева, страстная вера в победу человека над несправедливостью. Создатель первого в России бюста Карла Маркса, Анна Голубкина и в искусстве и в жизни была

Л. Н. Толстой (бронза).

кровно связана с революцией.

Вместе со старшей сестрой, Александрой (та впоследствии стала профессиональной революционеркой), Анна перевозит тюки «нелегальщины», распространяет прокламации РСДРП... В дни революционных боев 1905 года Анну Голубкину видят на московских улицах, она оказывает помощь раненым. Безоружная, бросается она на казака, разгоняющего толпу нагайкой. Она повисает на узде коня, и — странное дело! — под взглядом ее почти кричащих глаз казак опускает руку...

Несколько раз Голубкина попадает под арест, ее судят, приговаривают к заключению в крепость. В годы реакции, когда многие интеллигенты разочаровались в революции, она продолжает деятельно помогать рабочим. И не удивительно, что после победы Октября она в числе первых предлагает молодой власти свои руки и педагогический опыт.

Ее правдивое искусство тоже служит революции. Еще в молодые годы ею создан «Железный» — первое изображение рабочего в русской скульптуре. «Железный» открывает длинную галерею портретов про-

стых русских людей, портретов глубоких, проникновенных.

В монументальных своих произведениях скульптор воплощает самую идею революции. Неудержимо, презирая препятствия, напряженив могучие мышцы, шагает в будущее «Идущий человек». Полон мощи и застенной ярости «Сидящий». Кажется, вот-вот он поднимется и сокрушит все, что сковывает его сейчас...

Психологические портреты Анны Голубкиной разнообразны. Объединяет их одно: пристальный, горячий интерес к человеку.

В небольшой, но значительной книге «Несколько слов о ремесле скульптора», обращаясь к начинающим, Анна Семеновна советует им не сразу лепить натуру, а сначала вдуматься в нее и, главное, почувствовать к ней интерес.

Так всегда поступала она сама. Никакими силами нельзя было заставить скульптора Голубкину лепить то, что ей показалось неинтересным.

Что же обычно привлекало Голубкину в модели? Может быть, внешняя красота? Вглядываясь в женские портреты, они занимают в творчестве Голубкиной значительное место.

С любовью, с увлечением лепит скульптор бедную крестьянку. В этом на первый взгляд обыкновенном лице Голубкина усмотрела ту скрытую силу русской женщины, о которой писал Некрасов:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет...

Среди женских типов чаще всего встречается у Голубкиной один, видимо, особенно любимый ею, — легкая, словно птица, женщина, окрыленная, устремленная вперед, точно порывающая с земной тяжестью... В скульптурной группе «Две» рядом с этим образом скульптор поместил другой, воплощающий все земное, житейское... Конечно, одухотворенный облик «женщины-птицы» симпатичней художнику, но и «земная» ее подруга в какой-то мере интересна Голубкиной, иначе она не стала бы ее лепить.

Видимо, Голубкину привлекало все самобытное. Сильный, искренний характер преображал для нее даже некрасивое лицо, привлекал, будил интерес.

Голубкина оставила нам превосходные портреты некоторых писателей. Они поражают глубиной и точностью характеристик.

Едва ли не самая значительная из работ этого рода — портрет великого писателя Льва Толстого. Тем, кто видел эту скульптуру в Гретьяковской галерее или других музеях, где есть копии, и в голову не придет, что Голубкина встретила с «великим Львом» один-единственный раз и обстановка встречи меньше всего располагала к спокойному «вниканию» в натуру...

Голубкина пришла к Толстому в Хамовники, чтобы высказать свое негодование: как же он, гениальный создатель «Власти тьмы», может проповедовать смирение, непротивление злу?! Спор получился таким резким, что Софья Андреевна, оберегая здоровье мужа, воспрепятствовала его второй встрече с Голубкиной...

В пылу спора было как будто не до наблюдений. И все же глаза Голубкиной, глаза художника, запомнили все: движения Толстого, его лицо, глаза...

«Толстой широк, как море, а глаза у него, как у затравленного волка», — со свойственной ей образностью сказала Анна Семеновна.

Много лет спустя, под конец жизни, в 1927 году, она выразила свои ощущения в пластических формах, создав могучий образ гениального писателя.

...Анна Голубкина не искала известности. Она ничего не делала для личной славы. Ничего, кроме своих вдохновенных творений. Кто-то из поэтов сказал: скульптор — тот, кто слушает камни. Голубкина слушала камни, глину, дерево, мрамор и оживляла их своими руками.

И теперь, когда со дня ее рождения прошло сто лет, мы убеждаемся, что творения скульптора не постарели. Больше того: иные из них только теперь находят настоящую оценку.

Щепетильно честная, безжалостная в оценке чужих произведений, Голубкина самые суровые требования предъявляла к себе. «Тот не творец, кто не плакал над своей вещью» — это ее слова... Каждая скульптура Голубкиной глубоко правдива, пронизана мудрой мыслью, согрета горячим чувством. И в каждой мы видим творческий почерк, ощущаем ее, Анну Голубкину, — зыскательного художника, полного живой, требовательной любви к человеку и к своей родной земле.

На нашей вкладке вы видите картины, посуду, украшения. Все эти вещи — лишь небольшая часть выигрышей первой Художественной лотереи, фонд которой составляет 20 тысяч художественных произведений на общую сумму два миллиона рублей.

Наш народ любит изобразительное искусство, и с каждым годом художественные выставки привлекают все больше и больше посетителей. Но, естественно, купить вещь, которую художник создавал годами, нелегко. Тем не менее многочисленные любители прекрасного не отказываются от желания приобрести и картины, и скульптуру, и керамику.

Художественная лотерея позволит каждому «счастливому» участнику ее сделать обладателем превосходных полотен выдающихся наших живописцев: А. Пластова, М. Сарьяна, С. Герасимова, А. Дейнеки, Я. Ромаса, Ю. Пименова, П. Корина, В. Серова; гравюр В. Фаворского, рисунков Н. Пономарева, Г. Храпака и многих других.

Она поможет людям приобрести уникальные вещи из керамики, стекла, фарфора, орнаментальные гардины, ковры, скатерти, ювелирные изделия.

Первая художественная лотерея позволит войти в дом советских людей настоящему, большому искусству.

Б. ИОГАНСОН. РОЗА.

А. ПЛАСТОВ. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ

А. ГЕОРГИЕВСКАЯ.
ДЕКОРАТИВНОЕ БЛЮДО.

А. ДЕЙНЕКА. ГВОЗДИКИ.

А. ЛЕПОРСКАЯ. ПРИБОР ДЛЯ ВОДЫ.

А. МЕОС. ОЖЕРЕЛЬЕ.

В. ЖОХОВ. КОНФЕТНИЦА-ГОРШОЧЕК.

КУДА УХОДЯТ ЕЕ ОТПУСКА

Андрей ВЯТСКИЙ

Когда Николай Пожидаев пришел себя после операции, он увидел у своей кровати хирурга Бориса Николаевича Эсперова. Николай молчал, но глаза его спрашивали: «Ну как?» Эсперов положил ему руку на плечо.

— Утешительного мало, Николай. У тебя разрушена нервная ткань спинного мозга. Мы ее еще не умеем сшивать. Ученые бьются над этой проблемой. И, конечно, решат ее. Будем ждать. А пока придется на костылях или с палочкой.

Николай закрыл глаза. Он лежал молча, недвижно. В который раз вспоминал, как все случилось.

...В темноте на шоссе его, тогда военного летчика, сбила легковая машина. Долго боролись за его жизнь врачи госпиталя. Перелом позвоночника, сотрясение мозга, сильные кровоизлияния. Почти месяц Николай был без сознания. И все-таки выжил. Но вот... инвалид.

Он не хотел сдаваться, упорно лечился. Однажды ему рассказали, что в Куйбышевской больнице имени Пирогова поднимают на ноги таких же инвалидов, как он. Николая привезли в Куйбышев.

Врачи Софья Григорьевна Черная и Пальмира Григорьевна Мадорская, кандидат медицинских наук Людмила Васильевна Ярцева внимательно и терпеливо исследовали больного, прежде чем нейрохирург Борис Николаевич Эсперов решился на операцию. Но вот операция позади, и надежда погасла. Что теперь делать?

Эта мысль жила, билась у него в мозгу с утра и до ночи!

— Коля,— подошла к нему как-то утром медсестра Тая Куркина, которая ухаживала за ним с первого дня его появления в больнице,— надо развивать мышцы. И доктор Эсперов и доктор Черная говорят это. Давайте походим.

Небритый, злой, Николай метнул на нее взгляд, который без слов говорил: «Ах, пошли вы все...»

— Коля,— продолжала сестра,— ноги — это же еще не все. Есть же здоровая голова. Есть руки. Только побороть волю. А если поступить на учебу? Получить гражданскую специальность?

— Учиться? Мне? Такому?

— Ну да. Заочно. Допустим, в плановом институте. До армии вы окончили бухгалтерский техникум.

Ему и в голову не приходила такая мысль. До сих пор он связывал свою жизнь только с авиацией.

— Не будем об этом, Тая.

Но Николай плохо знал Тая.

На следующее утро, проснувшись, он обнаружил на тумбочке горку учебников за десятый класс. Рассердился. Целый день не притрагивался к ним. Но к вечеру рука сама потянулась к алгебре. Усмехнулся про себя, как бы оправдываясь: «Только проверю, совсем ли забыл...» На глаза попало несколько уравнений с двумя неизвестными. Решил. И, продолжая скептически улыбаться, поймал себя на том, что обрадовался: все-таки не забыл!

А в Калмыкию уже летело письмо Тая к жене Николая:

«Дорогая Пана! У нас у обеих одна профессия. Обе медсестры. Предлагаю Вам заключить со мной союз. Давайте ставить Николая на ноги вдвоем. Я буду помогать Вам, а Вы мне. Ходить он пусть с костылями, но начал. Теперь, мне кажется, главное — заставить его учиться... Думаю, что ему стоит поступить в плановый институт. Поддержите меня в этом...»

Каждое утро, приходя в палату, Тая заставляла Николая подниматься с постели и брать за костыли. Даже крохотный шаг был для него мучением. Но Тая заставляла его ходить. И Николай все увереннее шагал по палате.

Близился день выписки. Заказан билет на теплоход. И вдруг выяснилось, что тяжело заболел сын Николая, поэтому жена не сможет приехать за ним в Куйбышев.

Тая взяла отпуск и сама повезла Николая в Калмыкию. Прежде чем упаковать продукты на дорогу, она положила в чемодан учебники. Те, что лежали на тумбочке в больничной палате.

Николай и сам не заметил, как увлекся повторением программы за десятый класс. Радовался, как маленький, когда в трудном диктанте сделал всего две ошибки. От решения же сложных математических задач, особенно по тригонометрии, испытывал чуть ли не

Медицинская сестра Тая Куркина.
Фото З. БРАЙНИНА.

наслаждение. Память безотказна. Может быть, в самом деле есть смысл попробовать с институтом?

Но дома родственники, дяди и тетки, собравшиеся в доме Пожидаевых, когда приехали Николай и Тая, отговаривали:

— Ну чего тебе надрываться? Государство о тебе позаботилось? Позаботилось. Садик у вас есть. Огородик тоже. А рыбки мы всегда подбросим. Только Пана, жена, была согласна с Таем, убеждала:

— Не думай, что свяжешь нас. Учись! Ты выучишься, я пойду.

И Николай рубанул рукой по воздуху, отсекая сомнения.

— Ладно. Убедили. Через месяц еду сдавать экзамены.

Николай Пожидаев.
Фото А. ЗАПЛЕТИНА.

Успокоенная, с чувством выполненного долга уезжала Таисия из села Мангута на вокзал. Она уже стояла у кассы, собираясь купить билет до Куйбышева, как вдруг какой-то паренек потянул ее за руку.

— Тетя, я записку принес.

Нервный, прыгающий почерк. «Тая! Только что задавило машиной Колиного отца. Ты же знаешь, как он его любил. Что делать, не знаю. Совсем растерялась. Пана».

И Тая вернулась. Нет, не могла она оставить в беде семью. Стараясь вырвать Николая из атмосферы горя и отчаяния, Пана и Тая действовали, как сестры и единомышленницы. Через неделю пассажирский теплоход увозил Николая Пожидаева и Таисию Куркину.

На пароходе Николай понемногу приходил в себя. Стал играть в шахматы, перечитывал учебники. А Тая думала. Вот сейчас привезет она Николая в Куйбышев. А что дальше?

В гостинице Николая нельзя одного оставить: он не может делать очень многих вещей. Привезти к себе? Но она живет на частной квартире. Что скажет хозяйка, когда увидит чужого молодого человека? Она ведь ни за что не поверит в то, что отношения между людьми могут быть чистыми и бескорыстными.

И Тая пошла на маленький обман. Привезла Николая на такси к дому, привела в комнату и, пользуясь тем, что отчество у нее и Николая одинаковое, представила хозяйке:

— Знакомьтесь, Анна Петровна, мой брат. Он в институт поступать приехал... Как начнет сдавать, так в общении поселится.

...Ректор планового института смотрел на девушку сердито и удивленно.

— Я же вам русским языком сказал: принять не можем. Нет у вашего Пожидаева никаких оснований для поступления к нам. Он нигде не работает — раз. Предыдущая специальность с планированием не связана — два. Из другой области — три...

Тая кипятилась, спорила, но в ответ слышала одно:

— Не могу! И почему, собственно, вы так за него хлопчете? Вы ему кто?

— Я ему никто. А он человек в беде, понимаете?

Решение, которого добилась Тая, было такое:

— Ну, ладно. Пусть сдает. Только на общих основаниях.

Дома на нетерпеливое Колино «Как?» ответила бодро:

— Все великолепно. Считаю, что ты уже студент. Приняли очень хорошо. Спрашивали, не нужна ли какая помощь. Пройдешь вне конкурса.

Зачем она так сказала? О, она же отлично знала его! И действительно, Николай нахмурился.

— А не будет это похоже на одолжение? Раз, мол, ты инвалид, ладно, уступим...

— Ну зачем ты так? Ведь все от тебя зависит. Подготовишься хорошо, наберешь побольше баллов, считай, что по конкурсу.

Брови Николая раздвинулись. Большими, широкими ладонями он расправил складки скатерти.

— Вот это правильно! Не люблю по-

дачек. Все. С сегодняшнего дня железный режим. Чур, не жалеть!

И он действительно начал жить по железному режиму. На сон — столько-то, столько-то на еду и отдых. Остальное — на книги.

А Тая? Утром на базар. Надо приготовить завтрак. Потом в институт на консультацию, передавала преподавателям его вопросы и тщательно записывала в тетради ответы. В библиотеку — выписать учебники, взять литературу, на которую Николай составил список. Не успела вернуться — надо готовить обед, убрать и проветрить комнату, написать письмо Панае. Несколько часов сна — и на ночное дежурство в больницу. Она специально попросила на время, пока Николай готовится и сдает экзамены, перевести ее в ночную смену. На следующее утро все начиналось сначала.

Осунулась Тая, побледнела. Но зато каким победным светом сияли ее глаза, когда она встречала на пристани Пану, приехавшую, чтобы отвезти мужа в родное село!

— Все в порядке, Пана. Он студент.

...С этого времени отпуска старшей сестры неврологического отделения больницы имени Пирогова Таи Куркиной совпадали с летними экзаменационными сессиями студента-заочника Николая Пожидаева. С его приездом в Куйбышев начинались у нее дни, наполненные бесчисленным множеством хлопот.

Одно устройство жилья для Николая чего стоило! Таисия по опыту вступительных экзаменов знала, как изуряют Николая частые переезды и подъемы по крутым лестницам на шестой этаж института, где расположены кафедры и кабинеты факультета экономики промышленности. Тогда Тая договорилась с комендантом учебного корпуса Галиной Евстафьевой Шишковой. Та жила тут же, на шестом этаже, и она уступила Николаю маленькую комнатку.

Теперь, приезжая на сессию и однажды забравшись на шестой этаж, Николай уже больше не спускался вниз. Он до сих пор не знает, где находятся консультационные комнаты, где висит институтская доска объявлений, на каком этаже библиотека. Это было областью Таисии Куркиной, которую многие преподаватели и заочники принимали за студентку.

И вот он наконец перед глазами, желанный и такой многотрудный диплом инженера-экономиста. С волнением держал в руках Николай синюю плотную книжечку.

...Сейчас бывший летчик-истребитель Николай Пожидаев работает в одном из учреждений под Астраханью. Однажды сослуживцы попросили его рассказать, как же он добился своего и окончил институт. Николай с волнением заговорил:

— Живет в городе Куйбышеве на Волге замечательная девушка, с большой волей и щедрым сердцем, мужественный, чуткий, отзывчивый и сильный человек. Ей всего 25 лет. Работает она медицинской сестрой в больнице. Зовут ее Тая, а фамилия — Куркина. Хотите, расскажу, куда за последние пять лет уходили ее отпуска?

И рассказал все, что вы уже знаете.

Прочитайте эти книги

Без бога

«Я все яснее стал сознавать, что только полный разрыв с религией может примирить меня с моей совестью и дать право считать себя честным человеком. При этом я думал: учил ты открыто? Проповедовал всем? А уйдешь, как змеей уползешь? Это бесчестно. Ты должен иметь смелость сказать о своем решении так же открыто и в глаза людям, как ты открыто и в глаза проповедовал то, что признал ошибочным и ложным. Умел учить, сумел разоблачить то, чему научил...»

Так начинается рассказ бывшего профессора Ленинградской духовной академии А. А. Осипова, включенный в новое издание книги «Мы порвали с религией»¹.

Авторы статей — бывшие священники, ксендзы, муллы, равнины, сектантские проповедники, монахи, преподаватели богословия, учащиеся духовных академий и семинарий и просто верующие — рассказывают о своем горьком опыте, чтобы предостеречь от невозвратимой потери времени, обкрадывания подлинных человеческих чувств, превращения земного существования в тяжелый сон.

Пожилые люди, десятки лет обращавшиеся к богу со своими молитвами, юноши и девушки, оказавшиеся в плену религиозных предрассудков, делятся своими мыслями о том, как они после долгих исканий нашли смысл жизни не в вере в бога, а в нашей действительности, в идеях, которыми руководствуется наш народ при построении коммунистического общества.

Доброта сердца

«Талант не только дар, — утверждает Обухова. — Тот, кому он достался, должен нести его с достоинством, не унижая. Он тяжкая ноша, и нужны крепкие мускулы, чтобы донести его до конца».

У Лидии Обуховой «крепкие мускулы», а значит, «ноша» никогда не станет тяжкой для нее. Мы еще раз убеждаемся в этом, читая новые повести писательницы², эпиграфом к которым могло бы служить название одной из них (на мой взгляд, самой сильной) — «Доброта». Суровая и отнюдь не всепрощающая доброта человеческого сердца...

Лидия Обухова твердо убеждена: долг человека в том, чтобы «прожить свою единственную жизнь, не оскорбляя ее». И мы знаем, достойно встретят завтрашний день, который, быть может, несет им смерть, люди, попавшие в одну комнату с большим чудом, — герои повести «Доброта». И еще мы знаем: потому и силен «механизм войны одну чашу весов к поражению, а другую к победе», что живут на русской земле такие люди, как «фрау Руслан».

Гимном любви и созидания звучит поэтичная повесть-легенда «Та, которая под цвет травы».

Герои Обуховой покоряют нас тем, что они не «герои». Они шагнули на страницы книги прямо из жизни. Вот почему нам близки и понятны не только их высокие порывы и бескорыстное служение долгу, но и своиственные каждому из нас мучительные сомнения и колебания.

М. ГЕНИНА

¹ «Мы порвали с религией». Сборник статей. Воениздат, 1963.

² Лидия Обухова. Маленькие повести. «Молодая гвардия», 1963.

Вы думаете, что ваш ребенок, который только что появился на свет, ничего не знает и ничего не умеет? Нет, он пришел в мир не «с пустыми руками»!

В самом деле, осветите его глаза ярким светом, и его веки моментально сомкнутся. Никогда раньше ребенок не испытывал на себе действия света и тем не менее уже «знает», что глаза надо беречь. Хлопните сильно в ладоши — ребенок вздрогнет и широко раскинет руки, будто хочет ухватиться за вас в минуту опасности.

Ребенок умеет «добывать» и перерабатывать пищу, умеет «сообщать» матери о голоде, холоде и боли, умеет, правда, очень хаотично, двигать ручками и ножками. Эти движения очень нужны малышу: они улучшают кровообращение и обмен, тренируют сердце и легкие, обучают его владеть своим телом.

И тем не менее, несмотря на свои умения, ребенок рождается абсолютно беспомощным, его здоровье и развитие целиком зависят от взрослых.

Но значит ли это, что заботы взрослых могут ограничиваться гигиеническим уходом и кормлением ребенка?

Необходимость воспитания детей с первых дней жизни должна стать главной заповедью родителей.

С чего же следует начинать воспитание детей в самый ранний период их жизни? Начинать, конечно, нужно с любви. Но не с той слепой, безудержной любви, которая заслоняет голос разума. Пренебрегая советами врачей и педагогов, постоянно терзаемая страхом и ненужной заботой о ребенке жалостью, иная мать превращает свои руки в вечно качающуюся колыбель, ночь — в день, а кормление — в средство во что бы то ни стало успокоить ребенка. Через несколько месяцев, изнуренная, она начинает смотреть на малыша как на неблагогодарного деспота, разрушающего ее жизнь. Между тем еще в родильном доме врачи настоятельно советовали ей сохранить в течение трех месяцев принятый в роддоме режим питания и сна. Соблюдение режима не только важно для здоровья ребенка, но имеет и воспитательное значение: оно дисциплинирует нервную систему.

В первые недели жизни младенец большую часть суток спит. Это, однако, не значит, что у него совсем не остается времени для знакомства с внешней средой, в которой так много неизвестного, занимательного и важного. В свободное от сна время — а оно с каждой неделей будет возрастать — нужно учить ребенка смотреть, слушать, осязать. Конечно, со временем он сам сможет владеть всеми органами чувств, но с помощью родителей развитие пойдет значительно быстрее.

Рассмотрим это на примере. Как мы уже говорили, ребенок при ярком свете смыкает веки. Следовательно, способность воспринимать световую энергию дана ему от рождения. Однако видеть предметы, различать их цвет и форму, оценивать расстояние малышу надо еще научиться. Это не так легко, если учесть, что первое время он не способен задерживать взор на неподвижных предметах, а вещи, невыразительные по цвету, почти не вызывают у него зрительной реакции. Следовательно, нужно подобрать соответствующую иг-

рушку и не просто подвесить ее над кроватью, а перемещать в поле зрения ребенка на расстояниях 50—70 сантиметров от лица. При таких занятиях ребенок уже на десятый день жизни может в течение некоторого времени следить за медленно передвигающимся предметом. В конце второй недели можно начинать периодически останавливать движущийся предмет, чтоб ребенок научился удерживать на нем взгляд. Одновременно важно учить ребенка смотреть двумя глазами. Для этого игрушку перемещают не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной, то приближая ее к глазам ребенка, то отдаляя. Если не проводить с ребенком специальных занятий,

Близнецы.

Фото читателя Н. ДАВИДКИНА.

он будет подолгу, не меняя позы, смотреть на окно или лампочку. Это может привести к деформации черепа и выработать у малыша инертность. С возрастом эта инертность грозит стать чертой характера ребенка и во многом определить его дальнейшее развитие.

Для тренировки слуха следует пользоваться звучащим предметом, например, погремушкой. Ребенок будет прислушиваться к звукам и следить за погремушкой глазами. Таким образом, происходит взаимодействие органов слуха и зрения. Через некоторое время он научится поворачивать голову, чтобы посмотреть: а что там звучит? Очень полезно при каждом общении разговаривать с ребенком. Это развивает тонкость звукового восприятия и помогает впоследствии быстрее научиться говорить.

Особое значение для психического развития ребенка имеют его отношения со взрослыми, особенно с матерью. Силой естественных обстоятельств между матерью и ребенком устанавливается прочная связь. Мать — первый человек, которого ребенок научится узнавать. Действительно, еще совсем недавно голос матери, ее лицо были для ребенка ничуть не дороже, чем голос и лицо «чужой тети». Но уже через два — четыре месяца малыш радостно оживает при виде матери, при звуках ее голоса. Следовательно, к этому возрасту ребенок овладевает пусть пока еще самой элементарной, но зато очень важной способностью сравнения. Отличая мать, он демонстрирует нам «понимание» связи, существующей между ним и той, кто за ним постоянно ухаживает. Это — одно из первых маленьких «открытий» ребенка, первое проявление его пробуждающегося сознания. Но еще

задолго до того, как ребенок начнет узнавать свою мать, он обнаруживает явный интерес к общению с людьми. Разговор взрослых, меняющееся выражение лиц вызывают у месячного ребенка бурное проявление радости, оживленное движение ручками и ножками, выразительную улыбку, длительно устремленный на человека взор — это первое проявление положительных эмоций, первая откровенно проявленная радость от общения с человеком. Ведь до этого младенец обнаруживал только отрицательные эмоции: кричал, когда был голоден, и успокаивался после кормления, не выражая при этом никакой особой радости.

К пяти-шести месяцам эмоции ребен-

ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ ЖИТЬ

А. ФОНАРЕВ,

старший научный сотрудник
Института педиатрии АМН СССР

ка становятся весьма разнообразными и приобретают различные индивидуальные оттенки.

К этим особенностям психологии малыша нельзя относиться пренебрежительно. Надо использовать любую подходящую ситуацию, чтобы вызывать и закреплять у него положительные эмоции и, следовательно, бодрое, деятельное состояние. Постоянный интерес, возникающий у ребенка при общении со взрослыми, при занятиях с игрушками и т. п., является врагом праздности, которая по природе человеку не свойственна, но может появиться при неправильном воспитании.

Иногда приходится видеть детей, которые в семь-восемь месяцев «безвыходно» сидят в кровати, обложенные подушками, привыкшие к этому «сидячему» образу жизни и постепенно обрастающие жирком и ленью. А ведь через несколько месяцев им предстоит совершать первые самостоятельные путешествия по комнате, заглядывать во все уголки, взбираться на диван, проявлять при этом настойчивость, ловкость и даже некоторую долю бесстрашия. Трудно будет ребенку, не знакомому с предметами более плотными, чем набитая пухом подушка, впервые сталкиваться с твердыми углами столов и стульев. Малейшая неудача способна породить чувство страха и надолго отбить охоту к инициативным действиям.

Итак, первые месяцы жизни наполнили память ребенка многими знаниями, весьма усложнили мир его чувств и подготовили к многообразной деятельности, которая станет доступной ему сразу же, как только он овладеет пространством и речью. Но об этом периоде мы расскажем в следующий раз.

ТЫ И ВЫ?

Не одна мать наставляет дитя: «Говори взрослым «вы». И действительно, вы — это форма вежливости, особенно в обращении к незнакомому человеку. Но следует ли приучать детей обращаться на вы к папе и маме? Думается, нет. Между родителями и детьми отношения таковы, что они должны обозначаться сердечным (выражение Пушкина) ты.

Как же все-таки местоимениями пользоваться? К кому на ты? К кому на вы? Вы, как форма вежливого обращения, не свойственна коренному народному языку. Старые люди, особенно из села, знают одно только обращение к собеседнику: на ты. Вы — для них местоимение множественное (когда собеседников не один, а несколько). В устах этих людей ты — слово вполне естественное и ничуть для собеседника не обидное. В народной речи есть другие слова, которые выполняют функцию вежливости, — ласкательные обращения: пташечка, батюшка, сынок, матушка, голубчик, голубушка и другие. Вы, как форма вежливого обращения, была заимствована в литературный язык из польского языка в конце XVII века, то есть около трехсот лет назад. И с тех пор между ты и вы установились любопытные взаимоотношения.

Ты указывает на дружеские отношения между людьми (ты — к родителям, товарищам, друзьям, любимой, любимому).

Ты — в обращении к детям, подросткам.

Ты — обидное («тыканье») в обращении к человеку, подчиненному по службе, к старшему по возрасту, к малознакомому человеку. Вспомните, сколько гневных реплик всплывает из-за ты в общественном транспорте. Пассажир, которому говорят ты, справедливо чувствует себя уязвленным.

Не позволяйте, чтобы к вам обращались на вы, а вы к тому человеку — на ты. Может получиться, как у Некрасова:

Я к многим заезжал: иные, точно, грубы —
Муж ты своей жене, жена супругу вы.

(«Отрывки из путевых записок графа Гаранского»).

Вы — местоимение вежливости. С одной стороны, оно подчеркивает официальные отношения между людьми, а с другой — глубокое уважение друг к другу. Неразлучные друзья писатели Ильф и Петров обращались друг к другу на вы.

Афоризмы

В. О. Ключевского

Иметь разборчивый почерк — первое правило вежливости.

Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего сочинения.

Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело.

Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами.

Одевай — надевай! Многие из нас не чувствуют разницы в значениях этих слов. А между тем она есть, и ее надо соблюдать. Одеть применяется в трех значениях: 1) покрыть, 2) помочь одеться (одеть ребенка, гостя), 3) обеспечить одеждой (одеть семью). Надеть — в одном значении: надеть рубашку, носки, пальто, шапку, перчатки, то есть какую-то часть своего туалета.

В письме к одному начинающему писателю В. Г. Короленко отметил:

«Кстати — одна неправильность языка, которая у Вас попадает очень часто. Вы пишете: одел сапоги, одел пальто. Пальто надевают. Одевают человека».

А. СТЕПАНОВ,
кандидат
филологических наук

Говорите правильно!

— Скоро выбора́, — предупреждает девушку профорг.

— Иван Иванович, а разве правильно говорить «выбора́»? Меня в нескольких квартирах исправляли на выборы.

— Мало ли что исправляли! — упорствует Иван Иванович. — По-правильному надо говорить шофе́ры, а говорит ли так хоть один шофер в Москве? Обязательно шофе́ра...

На этом разговор закончился.

Но девушка помнила о нем и однажды показала Ивану Ивановичу словарь русского языка, где было сказано:

«Правильное произношение: ви́боры, бухгалте́ры, догово́ры, кла́паны, лацка́ны, констру́кторы, реда́кторы, то́рты, шофе́ры, тра́кторы или трактора́, се́кторы или секторá, инстру́кторы и инспектóра, бункера́, табеля́, профессора́, тома́, сторожа́, слесаря́, повара́».

Неправильное произношение: выбо́ра, офице́ра, бухгалте́ра, клапанá и подобны́е.

Отдел ведет доктор филологических наук А. И. ЕФИМОВ.

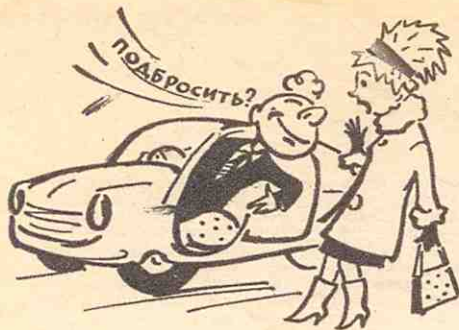
Есть или кушать? Я всегда ем. Кушать только предлагаю гостям или детям. «Сказать о себе: я кушаю — это все равно, — говорит Корней Иванович Чуковский, — что сказать: «Я настолько великодушен и милостив, что снисходительно вкушаю мою пищу».

Встречаю своего знакомого. Он представляет меня женщине: «Знакомься, моя супруга». А надо было сказать проще, скромней: «жена». Есть неписаное правило: «ты с супругой», «он с супругой», но «я с женой». Жена — и только. Разве в шутку иногда называю я свою жену «супругой», «супружницей», «благоверной». Вот, кстати, исконное значение этого слова: су — древняя приставка, она обозначала «два», «двое»; пруг — корень, его древнее значение — «упряжка» (в некоторых местностях до сих пор нижнюю часть сбруи называют подпругой). Супруги — значит двое в упряжке.

Что ж, это хорошо! Особенно, если эту упряжку они тянут не как лебедь, рак и щука, а в одном направлении и к одной общей цели.

Ущерб или польза государству от Маши Фоминской?

По следам одного письма

ЗАЧЕМ ЖЕ «ПОДБРАСЫВАТЬ?»

Из редакционной почты

Очень часто встречаются такие выражения:

«...мы выбросили к праздникам в торговую сеть массу различных товаров», «...мы забросили в глубинку соль, керосин, спички».

И кто же так говорит? Чаще всего крупный работник крупного торгового центра — управляющий или заведующий базой, директор магазина, товаровед.

А не проще ли сказать по-русски: «...мы развезли по магазинам хорошие товары», «...мы отправили в отдаленные районы соль» и т. д.?

Иначе кое-кто может быть поставлен в тупик. Как же так: человек выбросил массу хороших товаров и еще хвалится?

Не приходилось ли вам слышать: «Садитесь, подброшу»? Обычно так приглашают попутчика в автомашину водители.

Подбрасывать можно мяч; жонглер в цирке подбрасывает кегли, кольца, тарелки. Но чтобы подбрасывать живого человека в автомобиле да еще предупредить его об этом, согласитесь, это страшновато. Уж лучше пешком!

Иной бухгалтер поручает своему подчиненному:

— Поднимите документ такой-то.

Неискушенный будет лазить по полу, под стульями, столами в поисках злощастного документа, тогда как в переводе на русский язык это приказание означает, что нужно отыскать в делах необходимую бумажку. А не проще ли сказать: «Достаньте пожалуйста, из такого-то дела бумагу за номером таким-то»?

Иногда в споре говорят: «Это две большие разницы».

А ведь никаких двух разниц не бывает, а есть одна, пусть она будет даже большой. Тогда так и надо говорить: «Между тем и этим есть разница».

Или часто говорят: «приветик».

Есть русское слово «букет»,

Есть и «букетик».

Но русское, доброе слово «привет»

Зачем заменять стилижным

«приветик»?

Досаднее всего, что этим «приветиком», где нужно и не нужно, жонглирует девушка — будущий журналист.

Очень хорошо, что редакция журнала «Работница» включилась в борьбу за чистоту русского слова.

В. ЕМЕЛЬЯНОВА

г. Махачкала.

Каждое утро, в восемь, Маша садилась в приемной директора Купянского смешторга Шаулина. Ждала.

— Александр Васильевич, ну когда же? — поднималась она, завидев директора.

— Просто не знаю, Фоминская, что с тобой делать, — разводил тот руками. — Приходи завтра, может, что придумаем.

А завтра...

— Опять пришла? Надо позвать инспектора по кадрам... Мария Ивановна, куда же мы Фоминскую поставим? На работу, говорит, надо после декрета.

— Вроде ничего подходящего нет, Александр Васильевич.

В коридоре инспектор по кадрам Намучева говорила заплаканной Маше:

— Удивляюсь я тебе, право. Знала же, что трудно тебе будет. Муж — инвалид. Зачем рожала?

Через несколько дней Маша увидела, как редактор стенгазеты Горохова заглядывала то в одну комнату, то в другую.

— Товарищи, давайте заметки!

— Можно мне написать? — спросила Маша.

— Конечно, голубчик, пишите. Нам вот так заметки нужны.

— Я быстренько, — обрадовалась Маша. — Хочу написать, чтобы нас, матерей, уважали. Выпрашиваю работу, будто милостыню.

— Так вы насчет работы? Знаете, голубчик, по таким делам лучше к директору или в местком. Мы же этим не занимаемся.

Маша пошла к председателю месткома Громовой. Но и там не помогли.

После двухнедельных бесплодных хождений Маша Фоминская отправила письмо в Москву, в «Работницу».

Первой, с кем мне пришлось встретиться в Купянске, и была председатель месткома Громова.

— Фоминская уже работает в киоске, так что теперь не о чем и говорить.

Когда в комнату вошел директор Шаулин, Громова сообщила ему возмущенно:

— Вы подумайте, Фоминская на нас нажаловалась в Москву! Походила-то всего две недели!

— Пусть жалуется. Никаких у нас нарушений законов нет.

Эта фраза показалась мне странной. Известно, что женщина, возвращаясь из декрета, приходит на работу туда, откуда и уходила в отпуск. Я спросила, почему Фоминская не вернулась на прежнее место работы, в столовую № 5, где была помощником повара.

— Фоминскую не хотели брать ра-

ботники столовой, а не прислушиваться к мнению народа мы не можем. Склока там какая-то была. Да и потом ей кормить ребенка надо бежать, а ее участок, выходит, другие должны вести. Кому это интересно? — ответила Громова.

Я решила побывать в столовой № 5. Но прежде чем пойти туда, спросила у Громовой, кто в столовой плохо отзывался о Фоминской. Оказалось, что Громова в столовой не была и ни с кем о Маше не разговаривала. А приди Громова или Шаулин в столовую, они бы услышали много теплых слов о Маше. И поняли бы, что Машинго возвращение не хотел лишь один человек — заведующий столовой Водошнянов, которого она когда-то уличила в неблагоприятном поступке.

Некрасивая, скверная история. Но самое возмутительное в ней то, что никто из ответственных работников смешторга не чувствует себя неправым: ни директор, ни парторг, ни председатель месткома. Что, собственно, случилось? Из-за чего разгорелся сыр-бор? Человеку работу дали. Подумаешь, походила две недели!

Председатель месткома прямо так и сказала:

— Я все-таки не понимаю, что вас взволновало. Фоминская ведь работает в киоске. Мы же туда должны ставить декретниц, где государству меньший ущерб будет. Поэтому их часто в киоски направляют. Товарооборот небольшой, пусть работают.

Вот, оказывается, как дело обстоит: работницы-матери причиняют государству ущерб! А ведь в одном из первых декретов Советской власти говорится о той высшей пользе, которую женщина-мать, женщина-работница приносит государству. Нечего сказать, любопытная точка зрения на этот счет в Купянском смешторге!

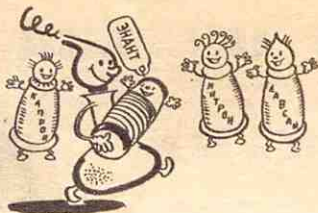
История эта произошла несколько месяцев тому назад. Стоит ли говорить о ней теперь так подробно? Да, стоит. Тысячи женщин-работниц, ставших матерями, возвращаются на работу в свои коллективы. Как их встречают товарищи? Всегда ли праздник матери — рождение человека — становится радостью коллектива и всегда ли возвращающаяся в цех ждёт помощь, забота, одобрение?

Или есть еще кое-где ретивые «ревнители государственных интересов», которые смеют говорить, что «декретницы причиняют государству ущерб»?

Н. АЗЕРСКАЯ

г. Купянск,
Харьковской области.

Рахит

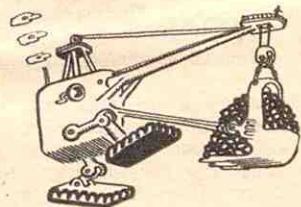
**Знант —
собрат капрона**

Капрон, нитрон, лавсан... Старые наши знакомые. Заслуженные, тысячи раз испытанные. А слышали вы что-нибудь об знанте? Нет? Так услышите, и довольно скоро.

Знант — это новое синтетическое волокно, рожденное усилиями Института элементо-органических соединений, Всесоюзного научно-исследовательского института искусственного волокна и Государственного института азотной промышленности.

Знант обладает теми же свойствами, что и капрон, но они у него как бы усилены. Он прочнее капрона, в полтора раза меньше поглощает влаги, более стоек и действию кислот и ультрафиолетовых лучей, эластичен.

До сих пор знант существовал преимущественно в виде нитей и опытных образцов, с которыми и производились все лабораторные испытания и исследования. Но теперь новое волокно выходит в большую жизнь. Надо полагать, недалеко то время, когда знантовые чулки, кофты, платья украсят витрины и прилавки наших магазинов, а технические ткани найдут применение в различных отраслях промышленности.

Стальной исполин

Знаменитый сверхмощный шагающий экскаватор поражает воображение своими размерами и техническим совершенством. Шутка ли, сразу вынимает 14 кубометров грунта — целый вагон! Но даже этот гигант покажется весьма скромным сооружением рядом с новым стальным исполином, способным за один раз зачерпнуть 80 кубометров породы — в шесть раз больше! — и движением стрелы перенести ее на 100 метров.

Технический проект такого шагающего экскаватора заканчивается сейчас на Уральском заводе тяжелого машиностроения.

Овощи под укрытием

Химики создали легкие прозрачные пластмассовые пленки для овощеводства. Представляете, какие выгоды несет, скажем, замена в теплицах и парниках доро-

гих и тяжелых стекол дешевой и удобной пленкой! Не нужно будет строить сложные конструкции; рамы, теплицы легко и быстро можно ставить где угодно и переносить с места на место; сменить порвавшуюся пленку куда проще, чем вставить новое стекло! Пленкой можно защищать овощи и фрукты от заморозков; в Закавказье, например, таким способом спасено немало цитрусовых.

А нередко — и это, быть может, самое важное и перспективное применение пленки — ее расстилают прямо на земле для мульчирования почвы.

Светопрозрачная полимерная пленка обладает замечательными свойствами: она хорошо пропускает солнечные лучи и задерживает отдачу тепла грунтом, пропускает влагу в почву и резко замедляет процесс испарения. Поэтому под пленкой температура и влажность почвы всегда значительно выше, чем на открытых участках. И, наконец, черная пленка не дает расти сорнякам.

Иными словами, овощи под пленочным укрытием получают самые благоприятные условия для своего

растения от рахита. До 5—6 месяцев необходимо кормить ребенка грудью. С месячного возраста ребенка надо закалять, проводить воздушные ванны. Полезен сон на воздухе или в крайнем случае при открытой форточке, на балконе.

С первых месяцев жизни необходимо давать ребенку рыбий жир, лучше в сочетании с витамином «Д». Начинать надо с 1 капли, постепенно доведя до 1, а потом и 2 чайных ложек в день. Детям до 6 месяцев рекомендуется давать 2 чайные ложки в день, от 6 месяцев до 1 года — 2—3 раза в день по 1 чайной ложке, старше полутора лет — по 1 десертной ложке 2 раза в день.

Доза витамина «Д» назначается ребенку врачом детской консультации строго индивидуально, в зависимости от состояния ребенка.

Не менее важную роль в профилактике рахита играет питание — диета. Начиная прикорм, не следует увлекаться коровьим молоком, крупяными и мучнистыми кашами, молочными киселями, вермишелью, булочками, печеньем и т. д. Обязательно приучайте детей к овощным пюре и супу, лучше и начинать с них прикорм. Попробовав однажды сладкую кашу, ребенок отказывается от пюре и овощей.

Овощные, фруктовые, цитрусовые соки можно давать с 1—1,5 месяцев по 2—3 капли в день, постепенно доведя к 3 месяцам до 3—5 чайных ложек.

Детям в 5—6 месяцев дают уже томатный, капустный сок, в это же время в питание добавляется сваренный желток, сначала через день, а потом ежедневно. К одному году ребенок должен выпивать до 100 граммов соков.

Очень питательны и хорошо усваиваются протертая печень и икра рыб.

С каждым месяцем в поведении ребенка появляются все новые изменения: он учится сидеть, ползать, ходить. Однако форсировать эти процессы не следует. Если у ребенка имеются проявления рахита, то такое вмешательство может способствовать искривлению костей.

Малыша необходимо раз в месяц показывать врачу детской консультации и строго выполнять его советы и назначения.

Грудное вскармливание предохраняет

развития и роста. Как показала практика, урожай при этом резко увеличивается, овощи созревают гораздо раньше и оказываются лучшего качества.

Успешные опыты по использованию полимерных пленок проводятся в хозяйствах Агрофизического института под Ленинградом. Урожай помидоров и огурцов в теплицах из пластмассовых пленок достигает 80—100 тонн с гектара.

У нас в Советском Союзе производство пленки для нужд овощеводства только начинается. Но оно будет расти быстрыми темпами, как и вся наша химическая промышленность. И настанет такое время, когда полимерными пленками мы будем накрывать не отдельные теплицы, не опытные участки, а целые поля.

Чулочные «гибриды»

В скором времени наша промышленность начнет выпускать детские чулки и носки смешанного типа: на 4/5 из хлопчатобумажных волокон и на 1/5 — из капроновых. Такие чулочные «гибриды» будут очень прочны.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Г. ВОЛК

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

СТИРАТЬ УМЕЮЧИ

Вода для стирки белья должна быть чистой, мягкой, прозрачной. Самая лучшая — дождевая или снеговая вода. Но ведь чаще всего мы пользуемся водой из-под крана, более или менее жесткой. Для ее смягчения употребляют соду, трифосфат натрия, силикатный клей, нашатырный спирт и щелок. В зависимости от жесткости воды количество смягчающих средств должно быть различным, но лучше недоложить, чем переложить. Насколько жестка вода в водопроводе, можно определить по тому, как пенится мыло. В мягкой воде пена образуется быстро, в жесткой — медленно, причем появляются легкие хлопья. В очень жесткой воде мыло вовсе не пенится, на поверхности образуются хлопья. При добавлении в воду смягчающих средств помните, что мыло нельзя распустить одновременно со смягчающими средствами, так как находящиеся в мыле жирные кислоты первыми реагируют на содержащиеся в воде соли кальция и магния и разлагаются.

Если вода содержит железистые соли, то она имеет желтоватый цвет, и такую воду для стирки употреблять нельзя: она окрашивает белье. Для осаждения железистых солей употребляют силикатный клей (на 10 л воды 1 столовую ложку клея). Осаждение происходит в течение нескольких часов. После этого вода становится прозрачной, можно в ней стирать; образовавшийся на дне посуды мутный осадок выливают.

Чтобы вода стала мягкой

Кальцинированную соду, или углекислый натрий, употребляют как смягчающее воду средство при замачивании и стирке белья. Но она плохо растворяется в холодной воде, поэтому ее нужно добавлять в горячую воду. Правильная концентрация содового раствора белья не портит. На 10 л воды берется от 3 до 20 г соды, в зависимости от степени жесткости воды. Кроме того, в продаже имеется кристаллическая сода, которой следует брать в 2,5—3 раза больше, чем кальцинированной.

Тринатрийфосфат — белый порошок с более сильными щелочными свойствами, чем сода. Он обладает способностью повышать моющие свойства мыла, но при употреблении в больших количествах оказывает на белье вредное действие. На 10 л воды берут от 7 до 30 г тринатрийфосфата.

Силикат натрия (растворимое стекло, силикатный клей, или стеклянная вода) представляет собой сиропообразную жидкость, которая в стиральном растворе увеличивает моющие свойства мыла. Силикатный клей нельзя употреблять в большом количестве (на 10 л воды столовую ложку).

Нашатырный спирт — хорошее средство для стирки шерстяных и шелковых тканей (на 1 л воды — 1 чайную ложку спирта). Для стирки белого белья он слишком дорог. В аптеках нашатырный спирт продается в виде 10-процентного раствора.

Щелок. Для щелока берут сухую золу травянистых растений или деревьев. Золу просеивают в глубокую деревянную посуду и заливают холодной водой так, чтобы зола была покрыта. На другой день золу заливают горячей водой, хорошо размешивают, закрывают и отстаивают не менее 18 часов, чтобы поташ полностью растворился. Прозрачную бесцветную жидкость сливают и получают раствор щелока, который употребляют как смягчающее воду средство.

В последнее время для стирки употребляют современные моющие средства: «Новость», «Универсол», «Зра», «Валтика» и другие, способ употребления которых указан на упаковке. Выполнять эти указания нужно обязательно.

Кружатся в воздухе снежинки. «Зима — противное время простуды, — думают некоторые с тоской. — Приходится кутаться в шубу, залезать в теплую комнату...»

Ух, как хочется натянуть на такого человека спортивный костюм и увезти за город, в лес или на заснеженное поле! Снег в паутине лыжных следов. Стремительно мчатся по лыжне спортсмены, обгоняя еле передвигающихся новичков. Сколько здесь женщин разных возрастов! А вот чинно шествует целое семейство, все три поколения: шестилетняя девочка, папа с мамой и... бабушка с дедушкой.

Физиологи изучили причину такой широкой доступности лыжного спорта. При ходьбе на лыжах не приходится затрачивать усилия на подбрасывание тела вверх, как при беге. Поэтому лыжи рекомендуются не только здоровым людям. Они очень полезны при разных нарушениях обмена веществ, повышенном и пониженном кровяном давлении. При многих заболеваниях, когда человек задыхается даже от кратковременного бега и ему приходится воздерживаться от больших мышечных напряжений, врач все же советует совершать короткие лыжные прогулки. Они умеренно усиливают кровообращение и создают благоприятные условия для работы сердца.

Иногда от полных женщин приходится слышать: «Ну куда мне с моей фигурой на лыжи?» Но ведь ничто так не способствует сбрасыванию лишнего веса, как систематическая лыжная ходьба. Подсчитано, что за один час прогулки можно потерять до пятисот граммов веса. Часть его приходится на долю воды, которая выделяется с потом и выдыхаемыми парами. Если ее собрать, наберется целый стакан.

Но пусть не боятся лыжных прогулок и худощавые женщины. Дело в том, что повышенный расход энергии вполне компенсируется ее приходом: аппетит после лыж отличный. На первый взгляд это кажется парадоксом: от одного и того же средства полные худеют, а худые полнеют. Но ничего удивительного в этом нет. Чрезмерная худоба или чрезмерная полнота — следствия нарушенного обмена веществ. А мышечная деятельность, особенно такая интенсивная, как при ходьбе на лыжах, приводит его в норму. Часто приходится отвечать на такой вопрос: можно ли ходить на лыжах беременным женщинам? Если женщина и раньше занималась этим видом спорта, то в первую половину беременности занятия можно продолжать, но не делать слишком длинных прогулок, не съезжать с головокружительных гор, не участвовать в гонках. Но если женщина никогда не ходила на лыжах, то время беременности начинать не стоит.

Лыжный спорт хорошо развивает дыхательную систему. Передвигаясь по снегу, мы поневоле дышим равномерно, глубоко. Наклонилось туловище вперед — выдох, выпрямилось — вдох. Благодаря этому хорошо вентилируются все части легких, их емкость возрастает.

Зимний морозный воздух оказывает благотворное влияние и на нервную систему. Он и бодрит и успокаивает.

Зимой можно и загорать. В холодный солнечный день на землю падает немало ультрафиолетовых лучей; отражаясь от снежного покрова, они попадают на лицо лыжника. Особенно богаты ультрафиолетовыми лучами солнечные дни в конце зимы, после февральских метелей.

Морозный воздух — прекрасное средство закаливания. Если ваша нога привыкнет к холоду, она будет отвечать на понижение внешней температуры расширением сосудов. Это предохранит от простуды.

На лыжной прогулке

Отправляясь на лыжную прогулку, не кутайтесь. При ходьбе на лыжах выделяется большое количество тепла. Если ваша одежда из бумажной ткани, на вате, она быстро намокнет, а при первой же остановке начнет охлаждаться. Вот и реальная опасность простудиться. Но если вместо ватной куртки вы наденете шерстяной свитер и если, спотев, вы не остановитесь, а будете идти вперед, несколько уменьшив скорость, то бояться простуды нечего.

Чем лучше вы освоите технику лыжной ходьбы, тем экономнее будете расходовать силы, чтобы не перегреться и не охладиться. Вы почувствуете радость от свободного скольжения. Тогда-то вы сможете уйти прочь от дороги, промчаться по склону холма, пройтись по сказочному зимнему лесу. Вы насладитесь видом изумительного голубовато-серебристого заснеженного поля, ярко-синих теней от леса, легкого дыма из трубы, поднимающегося совсем вертикально, шпором, будто его нарисовал ребенок. Вы прислушаетесь к особенной, зимней, звонкой тишине и обязательно воскликнете: «Как хорошо!»

Профессор В. ФАРФЕЛЬ

Стоя о себе.

Для удаления винного осадка в графине налейте на ночь в него теплую мыльную воду.

Утром насыпьте в графин слегка увлажненную питьевую соду и хорошенько встряхните. При надобности повторите эту операцию. Очищенный графин сполосните чистой водой с добавлением уксуса.

Ворс на помятом платье из панбархата выровняется, исчезнут полосы, если прогладить его с изнанки умеренно горячим утюгом. Гладить нужно на весу, натянув платье между двумя столами.

Подсолнечное масло в закупоренной бутылке в комнатных условиях можно хранить не больше 2 месяцев. Начатую бутылку надо использовать в течение месяца, иначе масло прогоркнет.

Сладкий привкус легка подмороженного картофеля обычно исчезает, если выдержать картофель 5—7 дней при температуре плюс 18—20 градусов.

При длительном выключении холодильника (на зиму) дверцы его не следует закрывать плотно.

Апельсины и лимоны долго остаются свежими, если их смазать растительным маслом, положить в целлофановый мешочек или закрытую посуду и хранить в прохладном месте.

Морковь лучше сохраняет, если перед укладкой на хранение опрыскать ее водным настоем сухих чешуек репчатого лука.

ЗАКОНЫ ОБХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ!

На Бийском кирпичном заводе грубо нарушались законы о труде, с работниками здесь не советовались, обращались с ними грубо, неуважительно. В 9-м номере «Работницы» за прошлый год обо всем этом было рассказано в корреспонденции «В обход закона».

Как сообщил редакции секретарь Алтайского промышленного крайкома КПСС тов. Козлов, в Бийск выезжала специальная бригада крайкома КПСС. Все факты полностью подтвердились, приняты конкретные меры для ликвидации недостатков. Завод перешел на четырехбригадную работу, пересменки увеличились, работницы могут спокойно отдохнуть. Транспортеры приподняли, и теперь снимать с них кирпич стало удобнее. Цехи отремонтированы, улучшено их освещение.

За нарушение трудового законодательства и грубое обращение с работниками директору завода тов. Гаврилову объявлен выговор. За недостатки в воспитательной работе и плохой контроль за хозяйственной деятельностью администрации на секретаря парторганизации тов. Бизеева и председателя завкома тов. Кривова наложены партийные взыскания. Управляющему трестом тов. Андрейчикову указано, что он либерально относился к нарушителям трудового законодательства.

Казалось бы, Алтайский крайком профсоюза работников строительства и промышленности строительных материалов должен был в первую очередь выступить против нарушителей трудового законодательства, в защиту прав работниц. Но крайком союза ограничился пересылкой в редакцию либерального приказа управляющего трестом.

Крайком КПСС осудил такую позицию и указал председателю крайкома профсоюза работников строительства и промышленности стройматериалов тов. Смычкову на формальное отношение к критическому выступлению журнала.

«СУДА МОГЛО БЫ И НЕ БЫТЬ»

Под таким заголовком в октябрьском номере «Работницы» за 1963 год была опубликована корреспонденция, в которой рассказывалось о незаконном высылении Веры Волковой и о волоките, допущенной Первомайским народным судом Москвы.

Заместитель Генерального прокурора СССР тов. Жогин и заместитель председателя Верховного суда РСФСР тов. Сергеева сообщили «Работнице», что решение Первомайского суда отменено. В. Волкова снова вселена в квартиру.

Одновременно Прокуратурой СССР и Верховным судом РСФСР предложено Мосгорсуду привлечь к ответственности людей, допустивших волокиту.

Как сделать платье нарядным и модным

Современная мода требует большого внимания к общему ансамблю любого костюма: выходного, рабочего, домашнего. Удачно подобранный шарф, оригинальный воротник, красивая меховая отделка придают костюму ту необходимую элегантность, которая свойственна женщинам с хорошим вкусом.

Если вы сделаете себе платье-костюм с модным жакетом-жемпером, то его можно легко разнообразить, драпируя вырез разными шарфами. К костюму из гладкой ткани идут пестрые шарфы, из пестротканых материалов — шарфы однотонные, спокойных темных расцветок или ярких из легкой шерстяной ткани и непрозрачного шелка. Красиво выглядят в таком костюме вставка из шелка или капрона.

Снова вошли в моду такне, казалось бы, забытые дополнения к выходным туалетам, как жабо. В зависимости от фасона костюма и характера ткани жабо может быть из плотного шелка, из легкой прозрачной ткани или из кружев. Наряднее всего выглядят белые жабо, оживляющие платье любой расцветки.

Для выходных отделки из меха. Например, строгое, гладкое платье для полных женщин можно отделать по линии выреза узкими полосками из низковорсового меха, подходящего по цвету к ткани платья. К платью без воротника подойдет кокетливый круглый воротничок из пушистого меха.

Платья и блузки из легких шелковых тканей часто делают с воротничками-шарфами, мягко драпирующимися вокруг выреза и завязанными спереди свободным узлом или большим, пышным бантом.

Скромное платье для каждого дня оживит строгий воротничок и такие же манжеты. Их можно сделать из белого пике или поплина, ситца и сатины в горшок, в полоску. Меняя воротнички и манжеты, вы всегда будете выглядеть нарядно.

В модных пальто воротнички нередко заменяются широкими шарфами. С демисезонными пальто спортивного стиля очень гармонирует шапочка и широкий шарф ручной вязки. Молодежи идут шапочки и шарфы яркой, живой расцветки. Например, к темно-синему пальто можно связать такой комплект из шерсти светло-красного тона. К пальто коричневых тонов подойдет комплект из шерсти зеленых, желтых или песочных оттенков. Белый комплект подойдет к пальто любой расцветки.

Различные детали и дополнения помогают женщине проявить индивидуальный вкус в одежде.

Е. СЕМЕНОВА

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

«В каком возрасте многодетная женщина может идти на пенсию по старости, и какой трудовой стаж необходим ей для этого?» — интересуется Тамара Савельева, конструктор Ивотского стекольного завода.

На основании Закона о государственных пенсиях женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до восьми лет, могут получать пенсию по старости с пятидесятилетнего возраста. При этом необходимо, чтобы их стаж работы в государственных учреждениях и на предприятиях был не меньше пятнадцати лет.

М. Свистунова

ТРАДЕСКАНЦИЯ

«Я видела на окнах квартир и учреждений растение с небольшими овально-ланцетовидными листьями разнообразной расцветки. Называют их традесканции. Они мне очень нравятся. Но я не знаю, как их разводить. Расскажите, пожалуйста», — спрашивает Мария Юдина из г. Клинцы.

Традесканция бывает нескольких разновидностей. Наиболее распространены два вида: традесканция гвианская с зе-

леными листьями (бывают бело-пестрая и желто-пестрая разновидности) и традесканция полосатая (зебрина). Последняя более привлекательна и соответственно более распространена. Листья этой традесканции имеют серебристые, коричневые или розовые полоски с верхней стороны; нижняя сторона темно-лиловой или фиолетовой окраски.

Размножают растение так. В горшки насыпают питательную землю (перегнойную с листовью). Остроночной палочкой делают отверстия глубиной 3—5 см. От взрослого растения режут черенки с 2—3 листьями (лучше, если черенки будут иметь длину 15—20 см). Срезать черенки нужно под углом. Нижние листья удаляются. В каждую лунку сажать по 3—5 черенков. Можно и по одному.

Поливают, ставят на 9—10 дней в затененное место. После этого пестрые традесканции ставят ближе к свету, а зеленые — на рассеянный солнечный свет. Нужно учесть, что пестролистие традесканции, выросшие при слабом освещении, становятся зелеными и превратят их снова в пестролистие невозможно. Зеленые традесканции при ярком свете становятся серо-зеленого цвета, но если поставить их снова на рассеянный свет, они опять позеленеют.

Пусть же ваши подоконники и цветочные столики будут украшены этим прекрасным растением!

Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14.
ТЕЛЕФОНЫ отделов:
промышленный — Д 3-35-69; между-
народной жизни — Д 3-30-63; литера-
туры и искусства — Д 3-30-63; худо-
жественного оформления — Д 3-34-79;
писем — Д 3-34-15; зав. редакцией —
Д 3-30-05.

Рукописи не возвращаются.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,

В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,

М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,

Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,

З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного

редактора).

Оформление художника

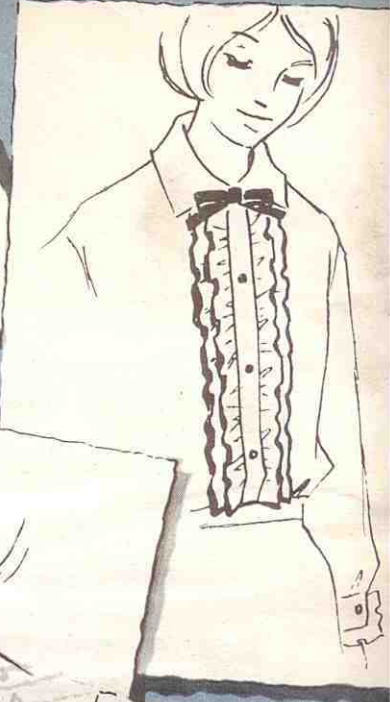
Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор

В. МАСЛЕННИКОВ.

А 00308. Подписано к печати 15/1—64 г.
Тираж 4 200 000 экз. Зак. № 3204
Изд. № 181. Формат бумаги 60×92½.
2,75 бум. л.— 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24

ВЕСЕЛЫЙ

ЗВЕРИНЕЦ

